

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «В ДИКИХ УСЛОВИЯХ»

ДЖОН КРАКАУЭР

ЭВЕРЕСТ

КОМУ И ЗА ЧТО МСТИТ ГОРА?

ВСЕ, ЧТО ОСТАЛОСЬ ЗА КАДРОМ ФИЛЬМА «ЭВЕРЕСТ»

**РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ САМОГО ЖЕСТОКОГО ВОСХОЖДЕНИЯ
ОТ ОДНОГО ИЗ НЕМНОГИХ ВЫЖИВШИХ**

Проект TRUE STORY. Книги,
которые вдохновляют (Эксмо)

Джон Кракауэр

**Эверест. Кому и
за что мстит гора?**

«ЭКСМО»

1997

УДК 796.525
ББК 75.82

Кракауэр Д.

Эверест. Кому и за что мстит гора? / Д. Кракауэр —
«Эксмо», 1997 — (Проект TRUE STORY. Книги, которые
вдохновляют (Эксмо))

ISBN 978-5-699-87718-8

Покорить Эверест – красивая мечта. И эта мечта продается. В марте 1996 года 19 альпинистов-любителей прилетают в Непал, чтобы за 65 000 долларов купить себе билет на вершину мира. Их маршрут идеально спланирован, каждого клиента страхует профессиональный проводник, а погода обещает комфортное восхождение. Однако..... Последнее слово всегда за горой. Там, на высоте 8 км над уровнем моря, в разреженном воздухе их мозг потеряет миллионы клеток, тело предательски ослабеет и даже самые опытные начнут совершать одну роковую ошибку за другой. Кто-то выживет, но навсегда останется с чувством вины, а кто-то расплатится за мечту и амбиции собственной жизнью. Самая страшная трагедия в истории Эвереста – от первого лица. Ранее книга выходила под названием «В разреженном воздухе».

УДК 796.525
ББК 75.82

ISBN 978-5-699-87718-8

© Кракауэр Д., 1997
© Эксмо, 1997

Содержание

Предисловие	6
Основные[1] участники драматических событий на горе Эверест весной 1996 года[2]	8
Глава 1. На вершине Эвереста	11
Глава 2. Дехрадун, Индия	16
Глава 3. Над Северной Индией	26
Глава 4. Пхакдинг	34
Глава 5. Лобуче	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54
Комментарии	

Джон Кракауэр

Эверест. Кому и за что мстит гора?

*Посвящается Линде;
а также памяти Энди Харриса, Дага Хансена, Роба Холла, Ясуко
Намба, Скотта Фишера, шерпа Нгаванга Топче, Чен Ю-Нана, Брюса
Херрода, шерпа Лопсанга Джанбу.*

*Люди играют в трагедию потому, что не верят в реальность
трагедии, которая на самом деле идет на всех сценах цивилизованного
мира.*

Хосе Ортега-и-Гассет

Jon Krakauer

INTO THIN AIR

Copyright © 1997 by Jon Krakauer Endpaper maps copyright © 1997 by
Anita Karl

This translation is published by arrangement with Villard Books, an imprint
of Random House, a division of Penguin Random House LLC

© Андреев А. В., перевод на русский язык, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Предисловие

В марте 1996 года редакция журнала *Outside* направила меня в Непал, чтобы я принял участие в восхождении на вершину Эвереста и написал об этом статью. Эту коммерческую экспедицию, в которую входили восемь клиентов, возглавлял известный проводник из Новой Зеландии по имени Роб Холл. 10 мая я стоял на вершине Эвереста. И в тот же день случилась страшная трагедия.

Из пяти моих товарищей по экспедиции, которые достигли вершины, четверо, включая Холла, погибли во время бури. Непогода обрушилась на нас, когда мы еще были на вершине. К тому времени, как я спустился в базовый лагерь, девять участников из четырех экспедиций были мертвы, а к концу месяца на горе погибли еще трое альпинистов.

Произошедшие события потрясли меня, и статью написать было непросто. Несмотря на это, через пять недель после возвращения из Непала я направил текст в *Outside*, и статья появилась в сентябрьском номере журнала. После этого я попытался выбросить из головы все мысли об Эвересте, но это оказалось невозможно. Мне не удавалось избавиться от воспоминаний и мыслей о трагедии, и я продолжал размышлять о причинах, приведших к смерти альпинистов.

Последовательность печальных событий в воспоминаниях выживших была местами запутанной и противоречивой – из-за их физического истощения, кислородного голодания и шокового состояния. Во время работы над статьей я попросил троих альпинистов описать то, чему они вместе со мной были свидетелями на вершине горы. И оказалось, что мы не в состоянии прийти к согласию по поводу последовательности и времени и даже по поводу того, кто именно присутствовал при тех или иных событиях. Через несколько дней после выхода журнала *Outside* с моей статьей я понял, что неправильно описал некоторые второстепенные детали трагедии. Главным образом, это были довольно мелкие неточности, возникшие из-за жестких сроков сдачи текста. Однако одна из допущенных мной ошибок оказалась далеко не неточностью и стала страшным ударом для друзей и родственников одного из погибших альпинистов.

Кроме допущенных мной фактологических неточностей, мне пришлось сознательно убирать некоторые детали повествования из-за ограничения по объему статьи. Редактор журнала Марк Брайант и издатель Ларри Бурк отвели для моего материала семнадцать тысяч слов, что в четыре или пять раз больше объема обычной журнальной статьи. Но трагедия на Эвересте потрясла меня до глубины души, и я считал, что даже такого объема недостаточно для того, чтобы подробно и достоверно изложить череду страшных событий. Я хотел рассказать эту историю максимально полно, и в результате появилась эта книга.

Исследование любой высокогорной трагедии осложняется тем, что на больших высотах мозг человека является крайне ненадежным рабочим инструментом. Я старался не полагаться исключительно на свое собственное восприятие и воспоминания и поэтому несколько раз встречался с большинством участников этих событий и проводил с ними пространные интервью. Я сверял и перепроверял информацию по записям радиопереговоров, которые велись в базовом лагере. Благодаря тому, что лагерь был расположен ниже вершины, сознание людей там не было таким замутненным, как у альпинистов в непосредственной близости от вершины Эвереста.

Читателям книги, знакомым с моей статьей в журнале *Outside*, бросятся в глаза некоторые расхождения в деталях произошедшего (главным образом, во времени описываемых событий). Это результат более тщательной обработки и сверки материала во время работы над книгой.

Некоторые из очень уважаемых мной авторов и редакторов настоятельно советовали не торопиться с написанием книги, а подождать два или три года, чтобы более непредвзято оценить то, что произошло в тот день на горе, и разобраться с воспоминаниями, которые не давали мне покоя. Признаюсь, я надеялся, что написание этой книги поможет мне раз и навсегда примириться с произошедшим на Эвересте и избавиться от навязчивых воспоминаний.

Но этого, конечно, не случилось.

Я первым готов признаться, что автор, пишущий, чтобы достичь катарсиса, оказывает читателю плохую услугу. Однако я надеялся, что написание книги по горячим следам передаст всю горечь трагических событий. Я сознательно стремился, чтобы в моем рассказе была грубая и жестокая правда, не сглаженная временем, все еще наполненная болью от событий, которые так свежи в памяти.

Некоторые из тех, кто предостерегал меня от поспешного написания книги, в свое время отговаривали меня и от участия в той экспедиции. Существует масса убедительных и логически понятных причин, по которым вообще не стоит приближаться к вершине Эвереста. Такое восхождение является крайне иррациональным поступком и победой мечты над здравым смыслом. Любой человек, который всерьез решил покорить эту вершину, по определению, не подвластен доводам разума.

Я все это прекрасно понимал, но тем не менее отправился на Эверест. И поэтому оказался причастен к смерти хороших людей, что на долгие годы останется на моей совести.

Джон Кракауэр
Сиэтл, ноябрь 1996

Основные¹ участники драматических событий на горе Эверест весной 1996 года²

Коммерческая экспедиция «Консультанты по приключениям» (Adventure Consultants), сопровождаемая проводниками

Роб Холл – Новая Зеландия, руководитель и старший проводник
Майк Грум – Австралия, проводник
Энди (Гарольд) Харрис – Новая Зеландия, проводник
Хелен Уилтон – Новая Зеландия, менеджер базового лагеря
Каролина Маккензи – Новая Зеландия, врач базового лагеря
Анг Тшеринг, шерп – Непал, сирдар базового лагеря
Анг Дордже, шерп – Непал, сирдар шерпов-альпинистов
Лхакпа Чхири, шерп – Непал, альпинист
Ками, шерп – Непал, альпинист
Тенцинг, шерп – Непал, альпинист
Арита, шерпа – Непал, альпинист
Нгаванг Норбу, шерп – Непал, альпинист
Чулдум, шерп – Непал, альпинист
Чхонгба, шерп – Непал, повар базового лагеря
Пемба, шерпа – Непал, подручный в базовом лагере
Тенди, шерпа – Непал, помощник повара
Даг Хансен – США, платный участник
Доктор Сиборн Бек Уэтерс США, платный участник
Ясуко Намба – Япония, платная участница
Доктор Стюарт Хатчисон Канада, платный участник
Фрэнк Фишбек – Гонконг, платный участник
Лу Касишке – США, платный участник
Доктор Джон Таск – Австралия, платный участник
Джон Кракауэр – США, платный участник и журналист
Сьюзен Аллен – Австралия, альпинист-любитель
Нэнси Хатчисон – Канада, альпинист-любитель

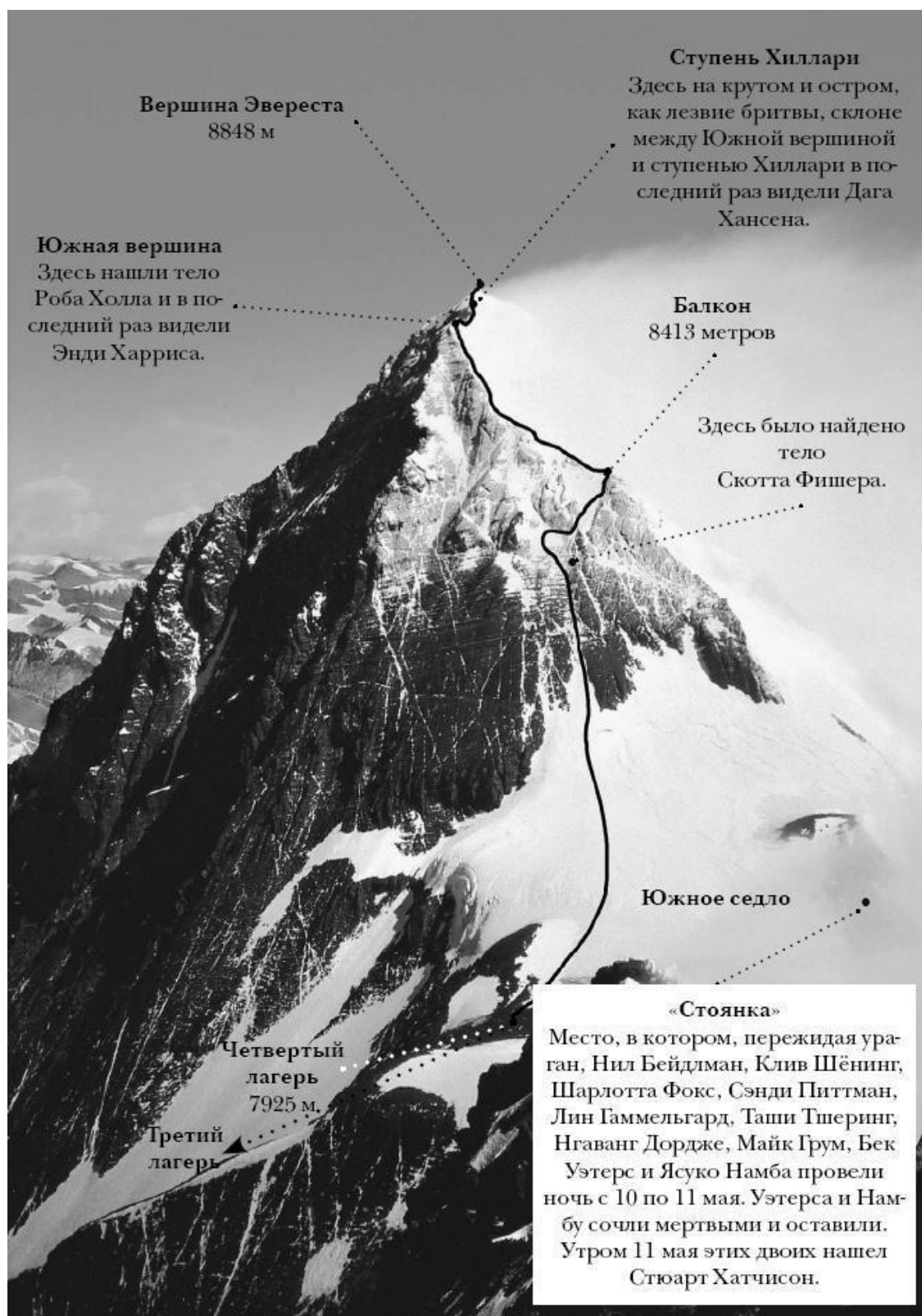
Коммерческая экспедиция «Горное безумие» (Mountain Madness), сопровождаемая проводниками

Скотт Фишер – США, руководитель и старший проводник
Анатолий Букреев – Россия, проводник
Нил Бейдлман – США, проводник
Доктор Ингрид Хант – США, менеджер базового лагеря, врач экспедиции
Лопсанг Джангбу, шерп Непал, сирдар шерпов-альпинистов

¹ Полный список см. в конце.

² В этот список вошли не все альпинисты, присутствовавшие на горе Эверест весной 1996 года. – Прим. авт.

Нгима Кале, шерп – Непал, сирдар базового лагеря
Нгаванг Топче, шерп – Непал, альпинист
Таши Тшеринг, шерп – Непал, альпинист
Нгаванг Дордже, шерп Непал, альпинист
Нгаванг Сая Кая, шерп Непал, альпинист
Нгаванг Тенди, шерп – Непал, альпинист
«Большой» Пемба, шерп Непал, альпинист
Джета, шерп – Непал, подручный в базовом лагере
Пемба, шерп – Непал, помощник повара в базовом лагере
Сэнди Хилл Питтман – США, платный участник и журналист
Шарлотта Фокс – США, платный участник
Тим Мэдсен – США, платный участник
Пит Шёнинг – США, платный участник
Клив Шёнинг – США, платный участник
Лин Гаммельгард – Дания, платный участник
Мартин Адамс – США, платный участник
Доктор Дейл Круз – США, платный участник
Джен Бромет – журналист

Вид верхней части склона Эвереста с вершины Лхоцзе. Визитная карточка Эвереста – снежное облако-флаг у верхушки Юго-восточного гребня вдоль стандартного маршрута восхождения на вершину.

Глава 1. На вершине Эвереста 10 мая 1996 года. 8848 метров

Кажется, будто пики этих великих вершин окружены границей, которую не может переступить ни один человек. Но все дело в том, что на высоте 7600 метров и выше пониженное атмосферное давление так сильно влияет на человеческий организм, что по-настоящему сложный альпинизм становится невозможным, а последствия даже слабой бури могут оказаться трагическими. И только идеальная погода и хорошее состояние снежного покрова дают хоть какой-то шанс на успех. Но на последнем участке экспедиция не может дожидаться удобного момента для восхождения...

Нет, совсем неудивительно, что Эверест не сдался после первых попыток штурма. Наоборот, было бы странно и даже грустно, если бы он позволил себя покорить с лета, ибо это не в характере великих гор. Наверное, мы стали излишне самонадеянными в наш век технического прогресса, вооружившись отличными «кошками» и каучуковыми подошвами. Мы забыли, что эта гора по-прежнему диктует свои условия и дарует успех, только когда сама того пожелает. Именно поэтому альпинизм по сей день сохраняет свою непостижимую притягательность.

Эрик Шиптон «На той горе», 1938 год

Стоя на вершине мира, одной ногой в Китае, а другой – в Непале, я соскреб лед с кислородной маски, повернулся боком к ветру и рассеянно уставился на необъятные просторы Тибета. На каком-то неясном, смутном уровне я понимал, что ширь земли, простирающаяся у меня под ногами, являет собой поистине захватывающее зрелище. Многие месяцы я грезил об этом миге и предвкушал бурю чувств, которая должна ему сопутствовать. Но теперь, когда я, наконец, оказался на вершине Эвереста, у меня совсем не было сил для эмоций.

Это произошло днем 10 мая 1996 года. Я не спал уже пятьдесят семь часов. Все, что мне удалось засунуть себе в рот за последние три дня, сводилось к упаковке лапши быстрого приготовления и горсти арахисовых *M&M's*. До этого несколько недель меня мучил сильнейший кашель, и теперь у меня так сильно болели ребра, что было сложно дышать. На высоте 8848 метров в воздухе содержалось так мало кислорода, что мои умственные способности деградировали до уровня интеллекта маленького и несообразительного ребенка. В те минуты я не был в состоянии чувствовать ничего, кроме холода и усталости.

Я достиг вершины Эвереста через несколько минут после того, как на нее поднялся русский проводник Анатолий Букреев^[1], работавший с американской коммерческой экспедицией, и незадолго до того, как на вершину Эвереста взойшел Энди Харрис – проводник из Новой Зеландии, работавший с экспедицией, в состав которой входил я сам. С Букреевым я был едва знаком, но за предыдущие шесть недель успел хорошо узнать Харриса. Я быстро сделал четыре снимка Харриса и Букреева, принимавших эффектные позы покорителей вер-

шины, развернулся и стал спускаться вниз. Мои часы показывали 13.17. В общей сложности я провел на «крыше мира» менее пяти минут.

Через пару минут я остановился и сфотографировал Юго-восточный хребет, по которому мы поднимались. Наводя объектив на двух карабкающихся вверх альпинистов, я заметил то, на что раньше не обращал внимания. На юге, где всего час назад небо было совершенно чистым, облака затянули Пумори, Ама-Даблам и другие более низкие вершины, окружавшие Эверест.

ПОТОМ, КОГДА УЖЕ БУДУТ НАЙДЕНЫ ТЕЛА ШЕСТИ ПОГИБШИХ В ТОТ ДЕНЬ, А ПОИСКИ ДВУХ ПРОПАВШИХ АЛЬПИНИСТОВ ПРЕКРАЩЕНЫ, КОГДА ВРАЧИ АМПУТИРУЮТ ПОРАЖЕННУЮ ГАНГРЕНОЙ ПРАВУЮ РУКУ БЕКА УЭТЕРСА, МОЕГО ТОВАРИЩА ПО КОМАНДЕ, МНОГИЕ НАЧНУТ ЗАДАВАТЬ ВОПРОС — ПОЧЕМУ.

Почему альпинисты не обратили внимания, что погодные условия явно ухудшаются? Почему опытные и знакомые с этими горами проводники не остановили восхождение относительно малоопытных альпинистов-любителей, которые заплатили им по шестьдесят пять тысяч долларов за человека, чтобы им помогли безопасно подняться на вершину Эвереста? Почему проводники продолжали вести людей вверх, увлекая их в смертельную ловушку?

Руководители двух экспедиций не могут ответить на эти вопросы, потому что они мертвы. Со своей стороны, я могу сказать, что ничего из того, что я увидел сразу после полудня 10 мая, не предвещало наступления сильнейшего урагана. Моему истощенному кислородным голоданием мозгу облака, появившиеся над большой ледовой долиной – Долиной Молчания^[2], казались редкими, невесомыми и вполне безобидными. Они плыли, светясь в лучах полуденного солнца, и по виду ничем не отличались от невинной дымки конвективного конденсата, которая после полудня почти каждый день поднимается над долиной.

В начале спуска меня охватило сильное беспокойство, но оно не было связано с погодными условиями: индикатор на моем кислородном баллоне показывал, что он почти пуст. Надо было срочно спускаться вниз.

Верхняя оконечность Юго-восточного гребня Эвереста похожа на тонкий, состоящий из острых глыб плавник из камня и нанесенного ветром снега. Она тянется примерно полкилометра между вершиной Эвереста и расположенным чуть ниже пиком под названием Южная вершина. Переход по зубчатому гребню не представляет особых технических трудностей, но маршрут этот крайне опасен: альпиниста на открытом пространстве может сдуть сильный ветер, который здесь часто бывает. Спустившись с вершины, я в течение пятнадцати минут с предельной осторожностью аккуратно пробирался над пропастью глубиной в 2200 метров, пока не достиг знаменитой ступени Хиллари. Она представляет собой крутой, почти вертикальный склон на гребне, и для перехода по ней необходима хорошая альпинистская подготовка. Как только я пристегнулся к закрепленной там страховочной веревке и приготовился спуститься вниз ступени, мне открылось пугающее зрелище.

Десятью метрами ниже, у основания ступени Хиллари, около двух десятков человек стояли в очереди на подъем. Три альпиниста уже поднимались, держась за веревку, по которой собирался спускаться и я. Мне пришлось отстегнуть карабин от веревки и отойти в сторону.

«Столпотворение» на подъеме создавали альпинисты из трех экспедиций: команды, к которой принадлежал я (это была группа платных участников, возглавляемая известным новозеландским проводником Робом Холлом), команды американского проводника Скотта Фишера и некоммерческой экспедиции из Тайваня. Двигаясь со скоростью улитки, что на высоте свыше 8000 метров является нормой, альпинисты один за другим одолевали ступень Хиллари, в то время как я с нетерпением ожидал своей очереди.

Вскоре меня нагнал Харрис, покинувший вершину следом за мной. Желая сохранить остатки кислорода в баллоне, я попросил его залезть в мой рюкзак и перекрыть клапан на

регуляторе, что он и сделал. На протяжении последующих десяти минут я чувствовал себя на удивление прекрасно. Голова прояснилась. Я даже ощутил себя менее усталым, чем до отключения кислорода. Но потом мне вдруг показалось, что я задыхаюсь. В глазах потемнело, голова закружилась. Я был на грани обморока.

ОКАЗАЛОСЬ, ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ ОТКЛЮЧИТЬ МОЙ КИСЛОРОДНЫЙ АППАРАТ, ХАРРИС, В ЗАТОРМОЖЕННОМ КИСЛОРОДНЫМ ГОЛОДАНИЕМ СОСТОЯНИИ, ОШИБСЯ И ОТКРЫЛ КЛАПАН НА ПОЛНУЮ МОЩНОСТЬ, И МОЙ БАЛЛОН МОМЕНТАЛЬНО ОПУСТЕЛ. Я ПРОСТО ИЗРАСХОДОВАЛ ОСТАТКИ СВОЕГО КИСЛОРОДНОГО ЗАПАСА.

Правда, был еще один баллон, ожидавший меня на Южной вершине, семьдесятю метрами ниже, но, чтобы туда попасть, я должен был спуститься по самому опасному, открытому участку маршрута без кислородной поддержки.

В любом случае для начала надо было дожидаться, пока рассосется толпа. Я сдвинул теперь уже бесполезную маску в сторону, воткнул ледоруб в промерзшую гору и присел на корточки. Пока я обменивался стандартными поздравлениями с проходящими мимо альпинистами, внутри меня все кипело.

«Да скорее же! Скорее! – мысленно подгонял я их. – Пока вы тут тормозите, я теряю клетки мозга миллионами!»

Большинство восходящих альпинистов принадлежало к группе Фишера, но почти в самом конце очереди появились двое людей из моей экспедиции – Роб Холл и Ясуко Намба. Сдержанной и замкнутой сорокасемилетней Намбе оставалось каких-то сорок минут до того, чтобы стать самой старшей среди женщин, поднявшихся на Эверест, и второй японкой, покорившей высочайшие пики на всех континентах – так называемые Семь вершин. Намба весила всего сорок шесть килограммов, но в ее тщедушном теле воробышка гнездилась невероятная решимость. С невероятным упорством она поднималась к вершине, движимая непоколебимым стремлением покорить Эверест.

Чуть позднее на верхушку ступени Хиллари взобрался Даг Хансен, еще один член нашей экспедиции. Даг был почтовым служащим из пригорода Сиэтла и моим другом на этой горе.

– Дело сделано! – прокричал я ему сквозь ветер, стараясь выглядеть бодрее, чем чувствовал себя на самом деле. Измученный Даг пробормотал из-под своей кислородной маски что-то невнятное, слабо пожал мне руку и, медленно и тяжело ступая, продолжил восхождение к вершине.

Замыкающим шел Скотт Фишер, которого я немного знал по Сиэтлу, где мы оба жили. Сила и неистощимая энергия Фишера стали легендой – в 1994 году он поднялся на Эверест, не пользуясь кислородными баллонами. Поэтому я был удивлен, увидев, как медленно он шел и каким измученным выглядело его лицо, когда он сдвинул маску, чтобы меня поприветствовать.

– Брююююс! – с наигранной веселостью воскликнул он. Фишер часто приветствовал людей этим именем, независимо от того, как их звали на самом деле.

Когда я спросил, как у него дела, Фишер заверил, что чувствует себя прекрасно.

– Только сегодня почему-то немного тяжело идти. А так все замечательно.

Наконец ступень Хиллари освободилась, я пристегнул карабин к страховочной веревке, обошел Фишера, который пытался перевести дух, опершись на ледоруб, и перемахнул через край.

Было уже начало четвертого, когда я добрался до Южной вершины. Клубы облаков накрыли верхушку Лхоцзе (8511 метров) и начали подползать к пирамиде Эвереста. Погода уже не казалась такой солнечной и безобидной, как раньше. Я схватил полный кислородный баллон, засунул его в рюкзак, присоединил к трубке маски и поспешил вниз в сгущающиеся

облака. Через минуту после того, как я сошел с Южной вершины, сыпал мелкий снег, и видимость стала нулевой.

На 122 вертикальных метра выше меня вершина все еще была освещена яркими лучами солнца, а небо было безукоризненно голубым. На вершине горы мои товарищи развлекали себя разными пустяками: запечатлевали свое прибытие на высшую точку планеты, размахивали флагами, попусту расходуя драгоценные секунды. Никто из них не подозревал, что впереди ждет суровое испытание.

НИКТО НЕ ПРЕДПОЛАГАЛ, ЧТО К КОНЦУ ЭТОГО ДОЛГОГО ДНЯ КАЖДАЯ ДРАГОЦЕННАЯ МИНУТА МОЖЕТ СТАТЬ РЕШАЮЩЕЙ – ВЫЖИВУТ ОНИ ИЛИ УМРУТ.

Глава 2. Дехрадун, Индия 1852 год. 680 метров

Однажды зимой, вдалеке от заснеженных гор, я нашел в «Книге чудес» Ричарда Галлибертона блеклое фото Эвереста. Это была довольно плохая репродукция: зубчатые пики белели на фоне гротескно зачерненного неба. Сам Эверест располагался на заднем плане и не выделялся на фоне остальных пиков, но это не имело никакого значения. Все равно он был самой высокой горой. Я мечтал, и мои мечты, словно ключом, открыли эту картинку, и я, мальчишка, вошел в нее, встал на гребне обдуваемой ветром горы и поднялся к вершине, которая уже не казалось такой далекой и недостижимой...

Когда человек растет, его обуревают безудержные фантазии, и мечта об Эвересте – одна из них. Не я один грезил об этой высочайшей и недостижимой точке планеты, на которую еще не ступала нога человека. Эверест был создан для того, чтобы и мальчишки, и взрослые мужчины мечтали его покорить.

Томас Ф. Хорнбейн «Эверест. Западный гребень»

Точные подробности этой истории неизвестны, потому что она стала легендой и обросла мифами. Неоспоримо лишь то, что произошла она в 1852 году, в конторе Главной службы тригонометрической топографической съемки Индии, в северной горной станции Дехрадун. Согласно наиболее правдоподобной версии событий, в кабинет главного топографа Индии сэра Эндрю Во вбежал клерк с сообщением, что бенгальский «вычислитель» Радханат Сикхдар из калькуттского топографического отделения «обнаружил самую высокую гору в мире». (Во времена Эндрю Во «вычислителями» или, как тогда говорили, «компьютерами», работали люди, а не машины.) За три года до этого полевые топографы впервые измерили угол подъема горы, которую они называли Пиком XV, при помощи двадцатичетырехдюймового теодолита^[3]. Сам Пик XV находился в Гималаях на территории закрытого королевства Непал.

До тех пор, пока Сикхдар, используя топографические данные, не рассчитал высоту горы, никто и не подозревал, что Пик XV может быть чем-либо примечателен. Угол подъема горы измеряли с шести разных точек в северной Индии, расположенных на расстоянии приблизительно ста пятидесяти километров от самого пика. Топографы видели лишь верхушку Пика XV, скрытого множеством высоких пиков на переднем плане, отчего создавалось впечатление, что некоторые из них гораздо выше. Однако тщательные тригонометрические вычисления Сикхдара (который учитывал такие факторы, как кривизна земной поверхности, атмосферная рефракция и горизонтальный угол теодолитного хода) показали, что Пик XV возвышается на 8840^[4] метров (или 29 002 фута) над уровнем моря, что делало его самой высокой точкой планеты.

Через девять лет после того, как подсчеты Сикхдара высоты Пика XV проверили и перепроверили, Эндрю Во в 1865 году назвал гору Эверестом – в честь своего предшественника, главного топографа Индии сэра Джорджа Эвереста. Впрочем, англичане были далеко не первыми людьми, давшими имя этой горе.

ТИБЕТЦЫ, ЖИВШИЕ К СЕВЕРУ ОТ БОЛЬШОЙ ГОРЫ, НАЗЫВАЛИ ЕЕ КРАСИВЫМ ИМЕНЕМ ДЖОМОЛУНГМА, ЧТО В ПЕРЕВОДЕ ОЗНАЧАЕТ «БОГИНЯ – МАТЬ МИРА», А НЕПАЛЬЦЫ, ПРОЖИВАВШИЕ К ЮГУ ОТ ГОРЫ, НАЗЫВАЛИ ЕЕ САГАРМАТХА, «БОГИНЯ НЕБА».

Однако Во решил игнорировать местные топонимы (несмотря на то что официальная колониальная политика поощряла сохранение местных и освященных временем наименований), и название Эверест прижилось.

Прошло совсем немного времени после того, как человечество узнало, что Эверест является самой высокой точкой планеты, и альпинисты решили покорить его вершину. В 1909 году американский исследователь Роберт Пери вышел к Северному полюсу, а в 1911 году норвежская экспедиция под руководством Руаля Амундсена достигла Южного полюса. В этой ситуации Эверест, или, как его тогда называли, Третий полюс, остался единственным непокоренным из значимых мест Земли, и к нему стали стремиться многие исследователи. По словам Гюнтера О. Диренфурта, известного альпиниста и историка, описавшего первые гималайские экспедиции, покорение этой вершины стало «задачей общечеловеческого масштаба, от решения которой нельзя отказаться, каких бы потерь она ни стоила».

Эти потери, как показало время, оказались весьма значительными. **ПОСЛЕ ТОГО, КАК В 1852 ГОДУ СИКХДАР ПРОВЕЛ СВОИ ВЫЧИСЛЕНИЯ, ГОРУ БУДУТ ШТУРМОВАТЬ ПЯТНАДЦАТЬ ЭКСПЕДИЦИЙ, ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ АЛЬПИНИСТА ПОГИБНУТ, И ПРОЙДЕТ СТО ОДИН ГОД – ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ЧЕЛОВЕК НЕ ВЗОЙДЕТ НА ВЕРШИНУ ЭВЕРЕСТА.**

Многие альпинисты и знатоки гор не считают Эверест особо привлекательной вершиной. Пропорции горы слишком велики, она очень широкая в основании, и может показаться,

что ее склоны являются чрезвычайно грубо высеченными. Однако то, чего Эвересту не хватает с точки зрения эстетики и изящества, он с лихвой компенсирует своими абсолютно умопомрачительными размерами.

Эверест стоит на границе Непала и Тибета, на 3660 метров возвышаясь над долиной у своего основания, и имеет вид трехгранной пирамиды из блестящего льда и темных бороздчатых скал. Первые восемь экспедиций на Эверест провели англичане. Все эти экспедиции штурмовали Эверест с северной, тибетской стороны. Это объяснялось не только тем, что именно с этой стороны было проще подступиться к горе, но и тем, что в 1921 году правительство Тибета открыло для иностранцев свои границы, долгое время находившиеся под замком, а Непал оставался по-прежнему закрытой страной.

Чтобы добраться от города Дарджилинга до подножия горы, первым покорителям Эвереста надо было преодолеть шестьсот километров по сложно проходимому тибетскому плато. Их знания пагубного воздействия больших высот на человеческий организм были минимальными, а снаряжение просто смешным по сравнению с тем, которым пользуются современные альпинисты. Тем не менее в 1924 году член третьей британской экспедиции Эдвард Феликс Нортон смог подняться до высоты 8573 метра, то есть всего 274 метра не дойдя до вершины. Ему пришлось развернуться из-за неимоверной усталости и снежной слепоты. Это было поистине огромное достижение, которое, возможно, никому не удалось превзойти за последующие двадцать девять лет.

Я говорю «возможно», потому что через четыре дня после попытки Нортон на штурм вершины отправились два других участника той же британской экспедиции 1924 года. Это были альпинисты Джордж Ли Мэллори и Эндрю Ирвин, они с первыми лучами солнца 8 июня вышли из высокогорного лагеря по направлению к вершине.

Имя Мэллори неразрывно связано с Эверестом – он был вдохновителем первых трех экспедиций. Именно Мэллори во время лекционного турне по Соединенным Штатам в ответ на вопрос назойливого журналиста, почему он решил подняться на Эверест, сказал свою знаменитую фразу: «Потому что он существует».

В 1924 году Джорджу Мэллори было тридцать восемь лет, он был женат, имел троих маленьких детей и работал директором школы. Выходец из высших слоев английского общества, эстет, романтик и идеалист, благодаря своей атлетической грации, светскому шарму и удивительной красоте Мэллори был любимцем интеллектуалов, таких как Литтон Стрейчи^[5] и члены кружка Блумсбери^[6]. Мэллори всегда был «в образе» и, сидя в палатке высоко на склоне Эвереста, читал спутникам наизусть отрывки из «Гамлета» и «Короля Лира».

8 июня 1924 года, когда Ирвин и Мэллори медленно поднимались к вершине Эвереста, ее затянуло облаками, поэтому оставшиеся в лагере члены экспедиции не могли видеть своих товарищей. В 12:50 облака на мгновение расступились, и Ноэл Одел ясно увидел силуэты Мэллори и Ирвина. Они приблизительно на пять часов выбились из графика восхождения, но «осторожно и целеустремленно» продвигались к вершине.

ДВУМ СМЕЛЬЧАКАМ НЕ СУЖДЕНО БЫЛО ВЕРНУТЬСЯ В ЛАГЕРЬ, БОЛЬШЕ МЭЛЛОРИ И ИРВИНА НИКТО НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ. ВЫШЛИ ЛИ ОБА ИЗ НИХ ИЛИ ХОТЯ БЫ ОДИН НА ВЕРШИНУ ЭВЕРЕСТА ДО ТОГО, КАК НАВСЕГДА ИСЧЕЗЛИ В СНЕГАХ?

Мы этого не знаем, но вопрос, удалось ли им покорить Эверест или нет, обсуждают по сей день. Скорее всего, до вершины Мэллори и Ирвин так и не дошли. Доказательств, что они поднялись на пик, не существует, поэтому, по официальной версии, у нас нет оснований считать, что они покорили Эверест^[7].

После многих столетий затворничества Непал в 1949 году открыл свои границы для внешнего мира, а еще через год новый коммунистический режим в Китае запретил иностран-

цам въезд в Тибет. В результате все желающие подняться на Эверест начали штурмовать вершину с южного склона.

Весной 1953 года большая группа британских альпинистов стала третьей по счету экспедицией, пытавшейся штурмовать Эверест со стороны Непала. Она была организована с пылом, свойственным Крестовым походам, и ресурсами, сравнимыми с теми, которые необходимы для проведения военной кампании. 28 мая, после двух с половиной месяцев титанических усилий, альпинисты разбили лагерь на Юго-восточном гребне на высоте 8504 метра. На следующее утро крепкий новозеландец Эдмунд Хиллари и высококвалифицированный шерп-альпинист Тенцинг Норгей взяли кислородные баллоны и вышли из лагеря.

Около 9 утра они уже стояли на Южной вершине и смотрели на узкий, как бритва, гребень, ведущий непосредственно к самой вершине Эвереста. Еще через час они дошли до подножия уступа, который, по словам Хиллари, оказался «самой серьезной проблемой на гребне». Это была «каменная ступень метров двенадцать высотой... Сама по себе скала была гладкой, практически отвесной и без выступов и углублений. Эта скала могла бы, пожалуй, стать занятным упражнением для тренировки опытных альпинистов приятным воскресным днем где-нибудь в Лейк-Дистрикт^[8], но тут казалось, что это препятствие было для нас непреодолимо».

Пока Тенцинг подавал веревку снизу, Хиллари втиснулся в расщелину между каменным основанием и вертикально торчащим наносом плотного снега и сантиметр за сантиметром начал подниматься на уступ, который впоследствии получит название «Ступень Хиллари». Подъем был сложным, и поднимался альпинист с передышками, но Хиллари не сдавался. Вот что он напишет впоследствии:

«...Наконец, я выбрался из расщелины и поднялся на широкий карниз. Некоторое время я лежал, восстанавливая дыхание, и потом впервые ощутил непоколебимую уверенность, что теперь нас ничто не остановит на пути к вершине. Я твердо встал на краю карниза и жестом показал Тенцингу, чтобы он начал подниматься. Я вцепился в веревку, Тенцинг, извиваясь, карабкался вверх, до тех пор, пока, полностью выбившись из сил, не поднялся и растянулся на карнизе, как гигантская рыба, которую только что вытащили из моря после ожесточенной борьбы».

Борясь с усталостью, альпинисты продолжили подъем по волнообразному гребню. В страдающем от недостатка кислорода мозгу Хиллари назойливо и монотонно крутился вопрос:

«Интересно, хватит ли у нас сил дойти? Я обошел один из очередных бугров и увидел, что гребень впереди меня идет вниз, и перед нами открывается вид на Тибет. Я посмотрел вверх и увидел, что над нами возвышается закругленный сугроб. Еще несколько сильных ударов ледорубом, еще несколько осторожных шагов – и Тенцинг³ и я стояли на вершине».

Вот так, незадолго до полудня 29 мая 1953 года, Хиллари и Тенцинг стали первыми людьми, поднявшимися на вершину Эвереста.

Через три дня информация о покорении Эвереста дошла до королевы Елизаветы. Это произошло накануне ее коронации. Сообщение о восхождении на Эверест было опубликовано 2 июня в лондонской газете *Times*. Чтобы конкуренты не опередили *Times* с публикацией этой новости, сообщение с Эвереста передали шифрованной радиোগраммой, которую отправил молодой корреспондент Джеймс Моррис. Через двадцать лет этот Моррис станет

³ Обратите внимание, кто первым взойшел на гору. – Прим. авт.

известным и уважаемым писателем, благополучно поменяет свой пол и вместо имени, данного ему после рождения, станет зваться женским именем Джен. Через четыре десятилетия после первого восхождения Моррис напишет в своей книге «Покорение Эвереста. Первое восхождение и сенсация, короновавшая королеву»:

«Сейчас трудно представить тот почти мистический восторг, с которым британцы встретили совпадение этих двух событий – коронация и покорение Эвереста. Страна медленно выходила из бедственного положения, в котором пребывала с начала Второй мировой войны, британцы осознавали, что их великая империя распадается, и это неизбежно повлечет ослабление влияния Англии во всем мире. При этом британцы почти убедили себя, что вступление молодой королевы на престол знаменует начало перемен – переход в новую «елизаветинскую эпоху», как любили тогда писать в газетах.

День коронации 2 июня 1953 года стал радостным и символическим днем надежды на возрождение, в котором сконцентрировались патриотические чаяния всех британцев. И – о, чудо! – именно в этот день издалека, с рубежей старой империи, пришло известие, что экспедиция английских альпинистов, верная традициям британских исследователей и искателей приключений... поднялась на «крышу мира», достигла последнего из непокоренных мест на Земле...

В этот момент в сердцах британцев всколыхнулось целое море чувств: гордость, патриотизм, грусть о потерянном в прошлой войне и отчаянная храбрость, надежда на новое, светлое будущее... Люди определенного возраста по сей день хорошо помнят те минуты, когда дождливым июньским утром в ожидании приближения коронационной процессии, проходившей по улицам Лондона, они услышали удивительную новость о том, что их соотечественники покорили «крышу мира».

Тенцинг мгновенно стал национальным героем в трех странах сразу: в Индии, Непале и Тибете, при этом каждая из этих стран претендовала на то, чтобы его чествовали как представителя их собственной, а не какой-либо другой нации. Эдмунду Хиллари был пожалован рыцарский титул, он стал называться «сэр». Его портрет появился на почтовых марках, в комиксах, в книгах, в кино, на обложках журналов – не прошло и дня, как пчеловод из Окленда со словно вырубленными из камня чертами лица превратился в одного из самых знаменитых людей на планете.

Хиллари и Тенцинг поднялись на Эверест за месяц до того, как меня зачали родители, поэтому я не смог разделить чувства гордости и восхищения, которые тогда испытали многие люди во всем мире. Друзья постарше утверждают, что покорение Эвереста сравнимо с первым шагом астронавта на Луне. Однако десять лет спустя очередное восхождение на Эверест помогло определить, как будет складываться моя жизнь.

22 мая 1963 года тридцатидвухлетний врач из Миссури Том Хорнбейн и тридцатишестилетний профессор теологии из Орегона Вилли Ансоулд дошли до вершины Эвереста по маршруту, по которому еще никто не проходил, а именно – по крайне опасному Западному гребню. К тому времени на Эвересте уже побывали четыре группы альпинистов, и на вершине стояли в общей сложности одиннадцать человек, однако путь по Западному гребню был значительно сложнее обоих ранее проторенных маршрутов: через Южное седло и Юго-восточный гребень или через Северное седло и Северо-восточный гребень. Восхож-

дение Хорнбейна и Ансоулда с полным основанием назвали одним из величайших подвигов, навеки вошедших в анналы альпинизма.

К концу восхождения два американца достигли так называемой Желтой Полосы – крутой и сыпучей скалы, которую все альпинисты совершенно обоснованно считали необыкновенно опасной. Чтобы преодолеть этот подъем, надо было приложить титанические усилия и продемонстрировать высочайшее альпинистское мастерство. Никогда ранее такой невообразимо сложный подъем не выполняли на столь экстремальной высоте. После преодоления Желтой Полосы у Хорнбейна и Ансоулда появились большие сомнения в том, что им удастся с нее спуститься. Они решили, что самым надежным способом вернуться живыми и невредимыми будет выйти на вершину и идти вниз по хорошо отработанному маршруту через Юго-восточный гребень. Учитывая позднее время, незнакомую альпинистам территорию и стремительно убывающий запас кислорода в баллонах, это было крайне смелое решение.

Хорнбейн и Ансоулд поднялись на вершину в 18.15, когда садилось солнце, и провели ночь под открытым небом на высоте более 8530 метров. На тот момент еще ни один альпинист не разбивал лагерь на такой экстремальной высоте. Ночь была холодная, но, к счастью, безветренная. Хотя позже Ансоулду ампутировали отмороженные пальцы ног, оба альпиниста выжили и смогли поведать историю своего восхождения.

Я был тогда девятилетним мальчишкой и жил в Корваллисе, штат Орегон, там же, где и Ансоулд. Он был близким другом моего отца, и иногда я играл с его старшими детьми – Регомом и Дэви. Первый был на год старше меня, второй – на год младше.

За несколько месяцев до отъезда Вилли Ансоулда в Непал я вместе с моим отцом, Вилли и Регомом покорил вершину моей первой горы. Это был ничем не примечательный вулкан высотой 2743 метра в Каскадных горах, на который в наши дни горнолыжники поднимаются на подъемнике. Совершенно неудивительно, что рассказы о восхождении на Эверест в 1963 году так сильно повлияли на мое детское воображение. И если кумирами моих приятелей в те годы были Джон Гленн^[9], Сэнди Коуфакс^[10] и Джонни Юнайтес^[11], то моими героями стали Хорнбейн и Ансоулд.

Не скрою, я втайне мечтал когда-нибудь покорить Эверест, и это желание не покидало меня более десяти лет. Когда мне исполнилось двадцать, альпинизм стал смыслом моей жизни, затмив все остальные занятия и увлечения.

ПОКОРИТЬ ГОРНУЮ ВЕРШИНУ ЗНАЧИЛО СДЕЛАТЬ ЧТО-ТО КОНКРЕТНОЕ, ОЩУТИМОЕ И НЕОСПОРИМОЕ. В ТО ВРЕМЯ В МОЕЙ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ НЕ ХВАТАЛО ПОДВИГА И СЕРЬЕЗНОГО ВНУТРЕННЕГО СМЫСЛА, И ТОЛЬКО РИСКИ И ОПАСНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С АЛЬПИНИЗМОМ, ПОМОГАЛИ МНЕ ПОЧУВСТВОВАТЬ, ЧТО Я ЖИВУ И ДЫШУ ПОЛНОЙ ГРУДЬЮ.

Мое хобби помогало мне подняться над равниной банальности, и я наслаждался риском, с которым это занятие связано, радовался широким горизонтам, которые открывались моему взору.

К тому же альпинизм помогал мне чувствовать свою причастность к группе избранных. Круг альпинистов представлял собой закрытое сообщество смельчаков и идеалистов, которое было не слишком заметным, но на удивление не затронутым пагубным влиянием современного мира. В культуре альпинистов сложилась ярко выраженная атмосфера конкурентной борьбы, соперничества и «мачизма», однако по большей части люди стремились произвести впечатление исключительно на членов своего круга. Среди альпинистов ценился не столько сам факт покорения той или иной вершины, сколько то, *как* это было сделано. Уважение и престиж зарабатывали за счет выбора самых сложных маршрутов и преодоления их с минимальным техническим оборудованием и максимальной смелостью. Самыми уважаемыми считались так называемые «вольные одиночки» – отчаянные смельчаки, штурмовавшие вершины без веревок или какого-либо другого альпинистского оборудования.

В те годы я жил только для того, чтобы заниматься альпинизмом, и существовал на пять-шесть тысяч долларов в год. Я работал плотником и занимался промышленной ловлей лосося до тех пор, пока не зарабатывал достаточно денег, чтобы отправиться в очередное путешествие на Бугабу, Титон или Аляскинский хребет. Однако, когда мне было приблизительно лет двадцать пять, я оставил свои детские мечты о покорении Эвереста. Тогда у наиболее «продвинутых» альпинистов вошло в моду пренебрежительно называть Эверест «грудой шлака» – мол, этой горе не доставало технических сложностей и эстетической привлекательности, чтобы считаться достойной целью для «серьезных» альпинистов, в числе которых я так стремился оказаться. В результате я начал с некоторым пренебрежением относиться к самой высокой горе мира.

Причина такого снобизма была очень проста – к началу восьмидесятых годов прошлого века на Эверест совершили более ста восхождений по наиболее легкому маршруту через Южное седло и Юго-восточный гребень. И я сам, и все те, к мнению которых я прислушивался, окрестили маршрут по Юго-восточному гребню «дорогой для яков». Наше отношение к Эвересту стало еще более пренебрежительным после того, как в 1985 году совсем юный, но выдающийся альпинист Дэвид Бришерс вывел на вершину мира состоятельного пятидесятипятiletнего техасца с весьма ограниченным альпинистским опытом по имени Дик Басс. Средства массовой информации самым восторженным образом отзывались об этом достижении, и никто даже не упомянул тот факт, что у этой «медали» может быть и обратная сторона.

Дело в том, что до восхождения Басса на Эверест эту гору штурмовали главным образом представители альпинистской элиты. По словам редактора журнала *Climbing* Майкла Кеннеди, «получить приглашение для участия в экспедиции на Эверест было честью, которой удостаивались лишь те, кто прошел многолетний курс обучения на более низких вершинах. Восхождение на самую высокую гору в мире означало, что ее покоритель становился одной из ярчайших звезд альпинизма». Восхождение Басса в корне изменило это представление. Басс взойшел на Эверест и стал первым человеком, покорившим все Семь вершин^[12], и этот подвиг не только принес ему мировую известность, но и привел к тому, что полчища альпинистов-любителей последовали его примеру и бросились штурмовать «крышу мира» при помощи проводников, в результате чего альпинизм на Эвересте бесповоротно вступил в эру коммерции.

– Для стареющих людей наподобие Уолтера Митти^[13], то есть для таких, как я, Дик Басс стал, бесспорно, примером для подражания, – с ярко выраженным техасским акцентом говорил Сиборн Бек Уэтерс, когда в апреле прошлого года мы шли к базовому лагерю на Эвересте.

Беку было сорок девять лет, и работал он патологоанатомом в Далласе. В экспедиции Роба Холла 1996 года он стал одним из восьми платных участников.

– БАСС ДОКАЗАЛ, ЧТО ЗАБРАТЬСЯ НА ЭВЕРЕСТ ВПОЛНЕ ПОД СИЛУ ОБЫЧНЫМ ЛЮДЯМ. ЕСЛИ ТЫ В НОРМАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ФОРМЕ И РАСПОЛАГАЕШЬ СВОБОДНЫМИ СРЕДСТВАМИ, ТО, ПОЖАЛУЙ, САМЫМ ТРУДНЫМ ДЕЛОМ ДЛЯ ТЕБЯ БУДЕТ ОТПРОСИТЬСЯ С РАБОТЫ И ДВА МЕСЯЦА ПРОВЕСТИ В РАЗЛУКЕ С СЕМЬЕЙ.

Как показывает практика, для огромного числа альпинистов ни отрыв от будничной жизни, ни серьезные финансовые затраты не становятся непреодолимым препятствием. За последние пять лет количество восхождений и попыток восхождений на Семь вершин, в особенности на Эверест, возросло до невероятных масштабов. И, как следствие растущего спроса, в той же пропорции возросло и количество коммерческих фирм, предлагающих услуги проводников для восхождения, в особенности на Эверест. Весной 1996 года на склонах высочайшей горы мира находилось тридцать экспедиций, как минимум десять из которых были организованы на сугубо коммерческих началах.

Правительство Непала пришло к выводу, что толпы стремящихся на вершину Эвереста альпинистов создают серьезные проблемы с точки зрения безопасности, воздействия на окружающую среду и не лучшим образом отражаются на эстетическом восприятии склонов. Непальские министры обсудили этот вопрос и приняли решение повысить плату за пермит на восхождение. Таким образом, правительство одним камнем убивало сразу двух зайцев: оно ограничивало количество альпинистов и одновременно увеличивало приток иностранной валюты в опустевший бюджет страны.

В 1991 году непальские власти брали 2300 долларов с человека за разрешение, позволявшее подняться на Эверест в составе экспедиции с неограниченным количеством участников. В 1992 году плату за пермит увеличили до 10 000 долларов для экспедиции численностью до девяти человек плюс 1200 долларов за каждого дополнительного альпиниста.

Несмотря на увеличения стоимости, к Эвересту «не зарастала народная тропа». Весной 1993 года, в сороковую годовщину первого восхождения на Эверест, с непальской стороны гору штурмовало рекордное число экспедиций, а именно – пятнадцать команд общей численностью 294 человека.

Осенью того же года непальское министерство по туризму снова повысило плату за разрешение на восхождение, которая теперь составила заоблачную сумму в 50 000 долларов для экспедиции не более пяти человек плюс 10 000 долларов за каждого дополнительного участника. При этом общая численность иностранцев в экспедиции не могла превышать семи человек. Также правительство постановило, что в течение одного альпинистского сезона с непальской стороны к восхождению будет допущено максимум четыре экспедиции.

Однако непальцы не учли, что власти Китая брали за разрешение на подъем со стороны Тибета всего 15 000 долларов, не ограничивая ни численного состава команды, ни количества экспедиций в течение сезона. Очень быстро поток желающих подняться на Эверест переключился с Непала на Тибет, после чего сотни непальских шерпов остались без работы. Непальские шерпы и предприниматели, теряя деньги, подняли страшный шум, и весной 1996 года Непал в срочном порядке отменил наложенное ранее ограничение максимального количества экспедиций до четырех в сезон. Ну, и как водится, раз уж этим вопросом занялись, то и в очередной раз подняли плату за разрешение на подъем – на этот раз до 70 000 долларов для экспедиции максимум из семи человек плюс еще 10 000 долларов за каждого дополнительного альпиниста.

Однако, судя по тому, что весной 1995 года шестнадцать из тридцати экспедиций поднимались на Эверест со стороны Непала, высокая плата за разрешение на восхождение никак не уменьшила количество желающих покорить главную вершину планеты.

Еще до трагического завершения предмуссонного альпинистского сезона 1996 года резкое увеличение количества коммерческих экспедиций за прошедшее десятилетие стало весьма сложным и щекотливым вопросом.

ТРАДИЦИОНАЛИСТЫ ОСКОРЕБЛЯЛИСЬ, ЧТО САМУЮ ВЫСОКУЮ ГОРУ В МИРЕ ПРОДАВАЛИ БОГАТЫМ ВЫСКОЧКАМ, НЕКОТОРЫЕ ИЗ КОТОРЫХ БЕЗ ПОМОЩИ ПРОВОДНИКОВ ВРЯД ЛИ ПОДНЯЛИСЬ БЫ ДАЖЕ НА ВЕРШИНУ ТАКОЙ «ПУСТЯЧНОЙ» ДЛЯ ОПЫТНОГО АЛЬПИНИСТА ГОРЫ, КАК РЕЙНИР^[14]. ПРОИСХОДИТ ПОЛНАЯ ПРОФАНАЦИЯ ЭВЕРЕСТА, ГОРУ ОСКВЕРНИЛИ, ВТОРИЛИ ИМ ПУРИСТЫ.

Критики также обращали внимание на следующий факт: коммерциализация Эвереста привела к тому, что эта некогда священная гора погрязла в дрызгах американского правосудия. Некоторые клиенты, заплатившие весьма внушительные суммы за эскорт-сервис на вершину, не вышли на самую высокую точку мира, после чего подали на своих проводников в суд.

– Иногда может попасться клиент, который совершенно уверен, что купил гарантированный билет на вершину, – говорил Питер Этанс, известный и уважаемый проводник, кото-

рый участвовал в одиннадцати экспедициях на Эверест и четыре раза сам поднялся на вершину^[15]. – Некоторые просто не в состоянии понять, что экспедиция на Эверест – это вам не на швейцарском железнодорожном экспрессе прокатиться.

Как это ни печально, но необходимо признать, что часть судебных исков была полностью обоснованной. Неоднократно случалось, что пользующиеся плохой репутацией или некомпетентные компании не выдерживали данных ими обязательств и не могли решить такие логистические вопросы, как, например, доставка необходимого кислорода. Проводники в некоторых экспедициях бросали клиентов, заплативших им серьезные деньги, а сами поднимались на вершину. И озлобленные заказчики справедливо делали вывод, что их взяли с собой только для того, чтобы оплатить восхождение безответственного гида. В 1995 году руководитель одной из коммерческих экспедиций бесследно исчез в неизвестном направлении еще до начала восхождения вместе с полученными от клиентов десятками тысяч долларов.

В марте 1995 года мне позвонил редактор журнала *Outside* и предложил присоединиться к коммерческой экспедиции на Эверест, которая стартовала через пять дней. После возвращения я должен был написать статью о коммерциализации горы, а также о проблемах, которые с этим связаны. По мнению редакции, сам я не должен был подниматься на Эверест. Редактор говорил, что я буду находиться в базовом лагере на леднике Восточный Ронгбук у подножия горы со стороны Тибета. Мне очень хотелось поехать. Дело дошло до того, что я даже заказал авиабилеты и сделал все необходимые прививки, – но в последний момент отказался от предложения журнала.

Учитывая, что я долгие годы с пренебрежением относился к Эвересту, читатель вполне резонно может предположить, что я отказался из принципа. На самом деле звонок и предложение журнала неожиданно пробудили во мне зарытое в самые далекие уголки подсознания желание покорить самую высокую гору в мире.

Я ОТКАЗАЛСЯ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО НЕ ХОТЕЛ ПРОВЕСТИ ДВА МЕСЯЦА У ПОДНОЖИЯ ЭВЕРЕСТА, НЕ ИМЕЯ ВОЗМОЖНОСТИ ПОДНЯТЬСЯ ВЫШЕ БАЗОВОГО ЛАГЕРЯ. Я РЕШИЛ, ЧТО РАЗ УЖ ЛЕЧУ НА КРАЙ СВЕТА И ВОСЕМЬ НЕДЕЛЬ БУДУ НАХОДИТЬСЯ ВДАЛИ ОТ ЖЕНЫ И ДОМА, ТО Я ДОЛЖЕН ИМЕТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОДНЯТЬСЯ НА ВЕРШИНУ.

Я спросил редактора журнала *Outside* Марка Брайанта, есть ли возможность перенести это задание на двенадцать месяцев (что дало бы мне время на тренировку и подготовку к экспедиции). Кроме этого, я поинтересовался, может ли журнал найти мне место в какой-нибудь из наиболее известных и проверенных компаний, организующих платные экспедиции, а также внести за меня 65 000 долларов, что дало бы мне шанс самому подняться на вершину. Если честно, я не ожидал, что редактор согласится на мои условия. За последние пятнадцать лет я написал для *Outside* более шестидесяти статей, и расходы на рабочие поездки редко превышали две-три тысячи долларов.

Брайант посоветовался с издателем и перезвонил мне на следующий день. Он сказал, что журнал не готов расстаться с 65 000 долларов, однако он сам и остальные редакторы считают, что статья о коммерциализации Эвереста была бы крайне интересной и важной. Он сказал, что если я очень хочу подняться на вершину, то журнал рассмотрит разные варианты, изыщет способ и поможет мне осуществить мою мечту.

За тридцать три года, в течение которых я называл себя альпинистом, мне довелось совершить несколько сложных восхождений. На Аляске я поднялся по опасному и до меня не проторенному маршруту на Лосиный Зуб, а также совершил одиночное восхождение на Палец Дьявола, для чего мне пришлось три недели в полной изоляции провести на отдаленном леднике. Я осуществил несколько крайне тяжелых и опасных ледовых подъемов

в Канаде и Колорадо. В районе южной оконечности материка Южной Америки, там, где ветер метет по земле словно «божья метла», или *«la escoba de Dios»*, как выражаются местные жители, я взобрался на страшный вертикальный гранитный шпиль в полтора километра высотой под названием Серро-Торре. Этот пик обдувают ветра со скоростью пятьдесят метров в секунду, его поверхность покрыта ломкой и скользкой наледью, и в былые годы (но уже не сейчас) он считался самой неприступной горой в мире.

Однако надо иметь в виду, что эти чудеса альпинистской отваги я совершил в далеком прошлом, в возрасте от двадцати до тридцати и чуть более лет, то есть за пару десятилетий до отписываемых ныне событий. Теперь мне исполнился уже сорок один год, мои самые смелые восхождения остались в далеком прошлом, у меня появилась седина в бороде, слабые десны и восемь килограммов лишнего веса вокруг талии. Я был женат на женщине, которую очень сильно любил, и она отвечала мне взаимностью. Я нашел, наконец, способ стабильного заработка и впервые за свою жизнь жил выше черты бедности. В общем, моя страсть к альпинизму слегка остыла, и я наслаждался простыми радостями жизни, из которых у меня сложилось некое подобие маленького и тихого счастья.

Замечу, что все мои предыдущие восхождения проходили далеко на не самых впечатляющих высотах. Я ни разу не поднимался выше 5240 метров, что ниже высоты, на которой расположен базовый лагерь отправляющихся на Эверест экспедиций.

Я ПРЕКРАСНО ЗНАЛ ИСТОРИЮ АЛЬПИНИЗМА, И ДЛЯ МЕНЯ НЕ БЫЛО СЕКРЕТОМ ТО, ЧТО С 1921 ГОДА, КОГДА АНГЛИЧАНЕ ВПЕРВЫЕ ВЫШЛИ К ГОРЕ, НА ЕЕ СКЛОНАХ ПОГИБЛО БОЛЕЕ СТА ТРИДЦАТИ ЧЕЛОВЕК. ПО СТАТИСТИКЕ ПОЛУЧАЛОСЬ, ЧТО НА КАЖДЫХ ЧЕТЫРЕХ АЛЬПИНИСТОВ, ДОШЕДШИХ ДО ВЕРШИНЫ, ПРИХОДИЛАСЬ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО ОДНА СМЕРТЬ.

Кроме этого, я понимал, что многие из тех, кто погибли на Эвересте, были гораздо более сильными и подготовленными, а также имели больше опыта высотных восхождений, чем я. Но детские мечты не умирают, и, как выяснилось на практике, голос здравого смысла можно легко игнорировать. В конце февраля 1996 года мне позвонил Брайант и сообщил, что мне нашли место в экспедиции на Эверест, организованной Робом Холлом. Когда редактор спросил, уверен ли я, что хочу в этой экспедиции участвовать, я не задумываясь ответил ему «Да!».

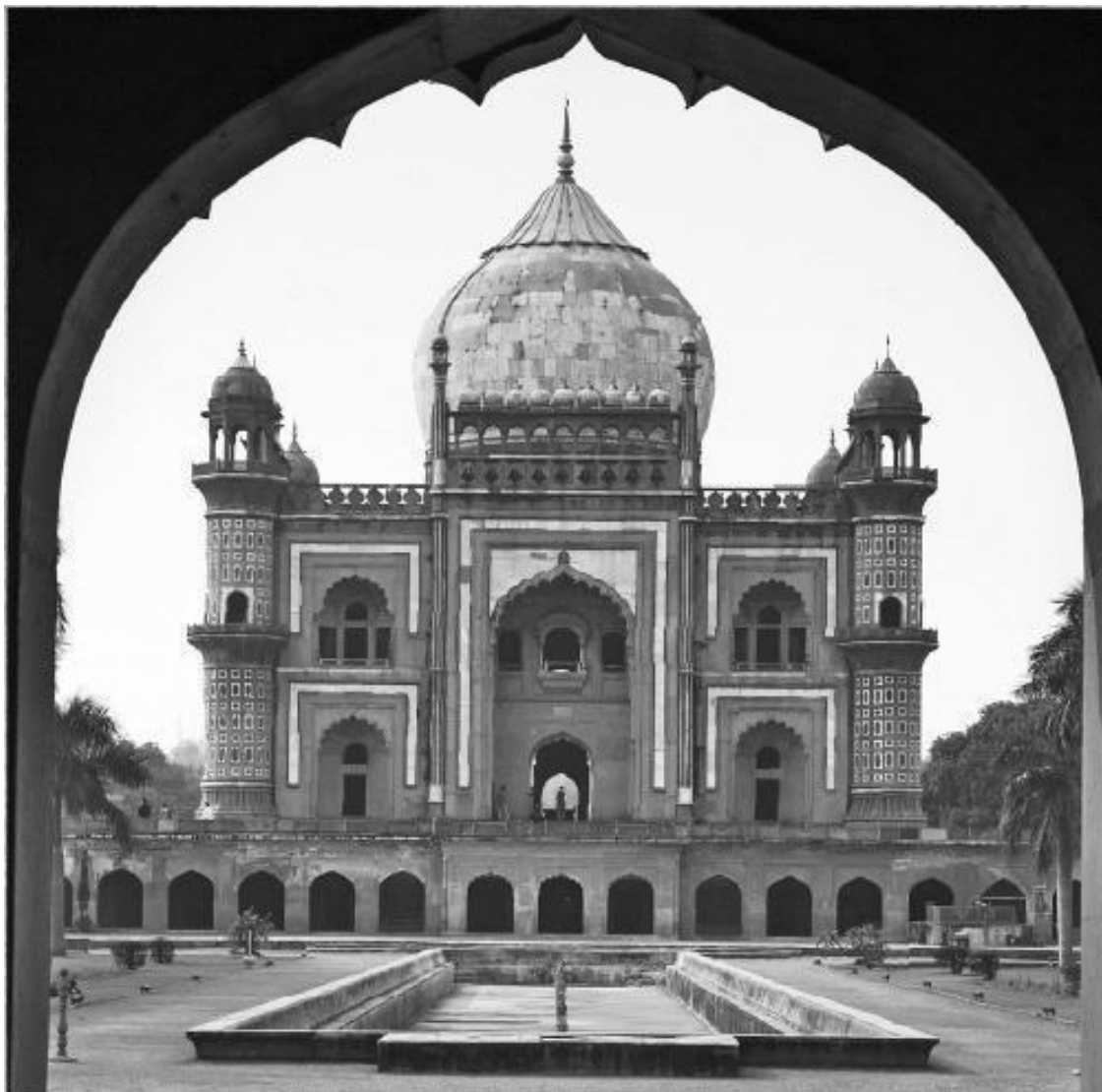
Глава 3. Над Северной Индией

29 марта 1996 года. 9144 метра

Я рассказал им притчу. Вот, говорю я, планета Нептун. Самая обыкновенная планета Нептун, а не рай, потому что я не знаю, что такое рай. И вы поймете, что в этой притче говорится только о вас – именно о вас и ни о ком другом. Та к вот, говорю я, есть там у них одна большая скала, и я должен предупредить, что люди на Нептуне довольно глупые и самонадеянные, а все это потому, что каждый из них привязан к своей собственной ниточке. Та к вот, некоторые из них совершенно помешались на этой самой горе. Вы не поверите, сказал я, но ценой жизни или смерти, на пользу или во вред, но эти люди завели себе привычку и все свое время и силы тратят в погоне за славой, забираясь на самые крутые склоны, которые только могут найти. И все как один возвращаются с них в приподнятом настроении.

Самое интересное в этом вот что – большинство из них позже изменили свои привычки и начали взбираться по более легким и безопасным склонам. И все равно находились в приподнятом состоянии, и это было заметно и по решительному выражению, появившемуся на их лицах, и по удовлетворению, которое светилось в их глазах. И, как я уже подчеркивал ранее, все это происходило на Нептуне, а не в раю, где положение вещей, может, и вообще никак изменить нельзя.

Джон Менлав Эдвардс «Письмо от человека»

Через два часа после взлета рейса № 311 авиакомпании *Thai Air* из Бангкока в Катманду я встал с места и прошел в хвост самолета. Рядом с туалетами по правому борту располагался маленький иллюминатор, рядом с которым я присел в надежде увидеть какие-нибудь горы. И я действительно увидел горы – зубчатые пики Гималаев высились, закрывая горизонт. Так до самого конца полета я и просидел на корточках у окна, прижавшись лицом к холодному плексигласу, у большого мусорного мешка, набитого недоеденными обедами и пустыми банками из-под газировки.

Я сразу же узнал огромную и широкую гору Канченджанга, третью по высоте вершину в мире, возвышающуюся на 8586 метров над уровнем моря. Через пятнадцать минут в поле зрения появилась пятая из высочайших вершин Макалу, а затем, наконец, и легко узнаваемые очертания самого Эвереста.

Чернильно-черный клин его пирамидальной верхушки выделялся из общего рельефа, возвышаясь над окружающими горными вершинами. Пик горы находился на высоте полета современных авиалайнеров, где скорость ветра составляла 120 узлов – 62 метра в секунду. Гора пропорола в небе зияющую рану, а ветер сдувал с нее миллиарды кристалликов льда, которые, словно длинный шелковый шарф, тянулись на восток. Я глядел на этот шлейф, похожий на инверсионный след, который оставляет в небе самолет, и думал, что вершина Эвереста находится на той же высоте, что и герметичный лайнер, в котором я сейчас лечу.

МЫСЛЬ О ТОМ, ЧТО Я СОБИРАЮСЬ ЗАБРАТЬСЯ НА ВЫСОТУ ПОЛЕТА РЕАКТИВНОГО САМОЛЕТА AIR-BUS-300, ПОРАЗИЛА МЕНЯ В ТОТ МОМЕНТ СВОЕЙ ПОЛНОЙ АБСУРДНОСТЬЮ, И МОИ ЛАДОНИ СТАЛИ ЛИПКИМИ.

Через сорок минут мы приземлились в Катманду. Как только я прошел таможенный контроль и вошел в вестибюль аэропорта, ко мне, поглядывая на мои две громадные сумки со снаряжением, подошел крепкий, гладко выбритый молодой человек.

– Вы, наверное, Джон? – спросил он с сильным новозеландским акцентом, предварительно порывшись в пачке ксерокопий паспортов клиентов Роба Холла.

Он крепко пожал мне руку и представился как Энди Харрис, тридцати одного года от роду, один из проводников в команде Холла. Харрис сообщил, что этим же рейсом из Бангкока прибывает еще один клиент Холла, пятидесятитрехлетний адвокат Лу Касишке из Блумфилд-Хилз, штат Мичиган. Касишке потребовался битый час, чтобы найти свой багаж, и в ожидании его мы с Энди вспоминали сложные восхождения в Западной Канаде, в которых нам довелось участвовать, а также успели подробно обсудить преимущества горных лыж по сравнению со сноубордом.

Энтузиазм Энди по поводу альпинизма был заразительным, и его неподдельная любовь к горам вызвала во мне тоску по былым временам. Я с грустью вспомнил тот период своей жизни, когда альпинизм был для меня самым важным делом на свете, когда я оценивал себя только с высоты тех горных вершин, которые уже покорил, и планировал дальнейшее существование только с точки зрения гор, на которые в один прекрасный день собирался взобраться.

Незадолго до того как Касишке – похожий на патриция, высокий, седовласый мужчина атлетического телосложения – закончил формальности на таможне и вышел к нам, я поинтересовался у Энди, сколько раз он поднимался на Эверест.

– ЧЕСТНО ГОВОРЯ, ТАК ЖЕ, КАК И ДЛЯ ТЕБЯ, ЭТО БУДЕТ МОИМ ПЕРВЫМ ВОСХОЖДЕНИЕМ, – РАДОСТНО ПРИЗНАЛСЯ ОН, – ПОСМОТРИМ, КАК Я С ЭТИМ СПРАВЛЮСЬ.

Холл поселил нас в отеле *Garuda* – радушном заведении, расположенном в самом сердце Тамела, шумного туристского района Катманду, на узенькой улочке, забитой велосипедистами и торговцами. Когда-то здесь гостили хиппи, но теперь в *Garuda* останавливались участники отправлявшихся в Гималаи экспедиций. Стены отеля были увешаны фотографиями с автографами знаменитых альпинистов, которые побывали здесь за долгие годы существования этого славного заведения: Райнхольд Месснер, Питер Хабилер, Китти Калхаун, Джон Роскелли, Джефф Лоу.

Поднимаясь по лестнице в свой номер, я обратил внимание на большой плакат с надписью «Гималайская трилогия» и видами Эвереста, Чогори (K2) и Лхоцзе, то есть первой, второй и четвертой по счету самых высоких гор мира. На переднем плане, на фоне этих величественных вершин был изображен портрет улыбающегося бородача, одетого в полную альпинистскую экипировку. На подписи под портретом стояло имя Роба Холла. Это был рекламный плакат фирмы Холла «Консультанты по приключениям», организующей платные экспедиции на Эверест. Он был выпущен в память о впечатляющем достижении своего основателя, а именно – покорении всех этих трех вершин в течение двух месяцев в 1994 году.

Через час я встретил Холла лично. Он был тощий как жердь и ростом чуть выше 180 сантиметров. В его облике было что-то от херувима, хотя выглядел он старше своих тридцати пяти лет – может, из-за глубоких морщин в уголках глаз, а может, из-за авторитета и репутации, которыми обладал. А нем была гавайская рубашка и потертые джинсы, на одном колене которых красовалась заплатка с вышитым знаком «инь-ян». Густые непокорные каштановые волосы ниспадали на его лоб, а кустистая борода всем своим видом требовала, чтобы хозяин побыстрее сводил ее к брадобрею.

Новозеландец Холл оказался общительным, блестящим и остроумным собеседником с хорошим чувством юмора. Он рассказал длинный анекдот о французском туристе, буддистском монахе и необычайно мохнатом яке, и, дойдя до кульминационного момента, окинул нас хитрым взглядом, выдержал эффектную паузу, затем рассмеялся так громко и заразительно, словно не в силах был сдержать восторг от собственного рассказа. Я мгновенно проникся к нему симпатией.

Холл родился в семье рабочих в новозеландском городке Крайстчерч младшим из девяти детей и был воспитан в католической вере. Хотя Холл обладал острым аналитическим умом, в возрасте пятнадцати лет он бросил школу – после того как повздорил с одним слишком авторитарным учителем, и в 1976 году устроился на работу в местную компанию *Alp Sports*, занимавшуюся производством альпинистского снаряжения.

– Он начинал с мелких поручений: строчил на швейной машинке и так далее, в общем, делал что скажут, – вспоминает опытный альпинист и проводник Билл Аткинсон, который работал в *Alp Sports* в одно время с Холлом. – Но он обладал великолепными организаторскими способностями, которые проявились, когда ему было еще лет шестнадцать-семнадцать, и вскоре возглавил производственное отделение всей компании.

С детства Холл страстно увлекался треккингом в горах, а устроившись на работу в *Alp Sports*, занялся еще и скалолазанием и восхождением на ледники. Он быстро учился, и, по словам Аткинсона, который стал его постоянным партнером по восхождениям, «как губка впитывал навыки и перенимал мастерство».

В 1980 году в возрасте девятнадцати лет Холл присоединился к экспедиции, которая поднялась на высоту 6795 метров по сложному северному гребню вершины Ама-Даблам. Эта удивительной красоты вершина находится в двадцати двух километрах к югу от Эвереста. Холл оказался в Гималаях впервые и во время этого путешествия специально сделал крюк и дошел до базового лагеря для восхождений на Эверест. Именно тогда он принял решение, что в один прекрасный день покорит самую высокую гору в мире.

Для осуществления этого плана потребовалось десять лет и три попытки, и в мае 1990 года Холл, наконец, вышел на вершину Эвереста в качестве руководителя экспедиции, в которой участвовал Питер Хиллари, сын Эдмунда Хиллари.

НА ВЕРШИНЕ ХОЛЛ И ХИЛЛАРИ ПОЗВОНИЛИ ПО СПУТНИКОВОМУ ТЕЛЕФОНУ И НА ВЫСОТЕ 8848 МЕТРОВ ПРИНЯЛИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ ОТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ДЖЕФФРИ ПАЛМЕРА. ИХ РАЗГОВОР ТРАНСЛИРОВАЛСЯ НА РАДИОСТАНЦИЯХ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ.

К тому времени Холл стал профессиональным альпинистом. Как и большинство его коллег, он жил за счет корпоративных спонсоров, финансировавших его дорогостоящие гималайские экспедиции. Холл понимал, что чем больше внимания ему будут уделять средства массовой информации, тем легче будет уговорить корпорации выделить ему деньги. Как выяснилось, он умел себя рекламировать, поэтому его имя постоянно мелькало в газетах и журналах, а лицо периодически появлялось на телеэкранах.

В 1988 году партнером, а также ближайшим другом Холла становится проводник из Окленда по имени Гэри Болл. В 1990 году они вместе поднялись на вершину Эвереста, а по возвращении в Новую Зеландию задумали покорить, как в свое время сделал Дик Басс, все семь высочайших вершин семи континентов. При этом они решили усложнить задачу и подняться на все семь вершин в течение семи месяцев^[16].

Так как они только что покорили Эверест, то есть наиболее сложную из семи вершин, Холл и Болл смогли заручиться финансовой поддержкой крупной компании *Power Build*, занимавшейся строительством энергетических объектов, после чего они, не теряя времени, приступили к осуществлению своего плана. 12 декабря 1990 года, всего за несколько часов до истечения семимесячного срока, Холл и Болл поднялись на пик седьмой вершины – выс-

шей точки Антарктиды массива Винсон (5140 метров). Это достижение широко освещали СМИ в Новой Зеландии.

Несмотря на огромный успех, Холл и Болл решили трезво оценить свои долгосрочные перспективы в сфере профессионального альпинизма, существующего на деньги спонсоров.

– Чтобы регулярно получать спонсорскую поддержку компаний, – объясняет Аткинсон, – альпинист должен постоянно удивлять своими достижениями. Каждый новый подъем должен быть труднее и эффектнее предыдущего. Невозможно бесконечно играть в перегонки с самим собой и лучшими альпинистами планеты. Нельзя усложнять задачу до бесконечности, рано или поздно человек физически не сможет делать то, что делал ранее. Роб и Гэри понимали, что рано или поздно этого не выдержат, дело кончится несчастным случаем, и они погибнут. И вот тогда они и решили сменить тактику и стать высокогорными проводниками. Гид совершает не те восхождения, которые интересны лично ему, его работа – помочь другим подняться на вершину и спуститься вниз. Здесь совершенно другие задачи, но зато это более долгосрочная карьера, а не бесконечная погоня за спонсорами. Если ты предлагаешь людям хороший продукт, то тебе гарантирован неограниченный приток клиентов.

В ходе этого пиар-мероприятия под девизом «Семь вершин за семь месяцев» у Роба Холла и Гэри Болла созрел план совместного предприятия по организации платных восхождений на Семь вершин.

ОНИ БЫЛИ УБЕЖДЕНЫ В СУЩЕСТВОВАНИИ ОГРОМНОГО ЧИСЛА МЕЧТАТЕЛЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДОСТАТОЧНО ДЕНЕГ, НО НЕДОСТАТОЧНО ОПЫТА, ЧТОБЫ САМОСТОЯТЕЛЬНО ВЗОЙТИ НА ВЫСОЧАЙШИЕ ВЕРШИНЫ МИРА. ПОЭТОМУ ХОЛЛ И БОЛЛ ОТКРЫЛИ КОМПАНИЮ, КОТОРУЮ НАЗВАЛИ «КОНСУЛЬТАНТЫ ПО ПРИКЛЮЧЕНИЯМ».

В самом начале деятельности «консультантам» сопутствовала удача. В мае 1992 года они вывели на вершину Эвереста шестерых клиентов. На следующий год они сопровождали группу из семи человек – тогда за один день на вершине побывало сорок альпинистов. Однако по возвращении домой после этой экспедиции их деятельность раскритиковал сэр Эдмунд Хиллари. Он осудил Холла за то, что тот способствует возрастающей коммерциализации Эвереста. Из-за того, что толпы новичков ведут на вершину за деньги, «появляется неуважительное отношение к этой горе», с возмущением говорил сэр Эдмунд. У себя на родине Хиллари считают одним из самых уважаемых людей страны^[17]. Его изрезанное морщинами лицо даже украшает пятидолларовую банкноту Новой Зеландии. Жестокая публичная критика горного полубога, одного из самых уважаемых альпинистов очень огорчила Холла, для которого Хиллари был примером для подражания в юношеские годы.

– В Новой Зеландии Хиллари считают национальным достоянием, – говорит Аткинсон. – Его слова имеют большой вес, и наверняка Робу было очень неприятно услышать критику в свой адрес именно от этого человека. Роб даже хотел выступить с публичным заявлением в свою защиту, но понял, что поднимать голос против такой уважаемой персоны – дело совершенно безнадежное.

Через пять месяцев после того, как Холла публично раскритиковал Хиллари, альпиниста постиг еще более тяжелый удар: в октябре 1993 года Гэри Болл скончался от отека головного мозга, который развился у него на большой высоте. Эта трагедия произошла во время подъема на шестую по высоте гору в мире – Дхаулагири (8222 м)^[18]. Лежа в коматозном состоянии в маленькой палатке на вершине горы, Болл испустил последний вздох и умер на руках у Холла. На следующий день Холл похоронил своего друга в ледниковой расселине.

После экспедиции в интервью новозеландскому телевидению Холл угрюмо описывал, как он взял свою любимую альпинистскую веревку и спустил на ней тело Болла в глубь ледника.

– АЛЬПИНИСТСКАЯ ВЕРЕВКА ПРЕДНАЗНАЧЕНА ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СВЯЗЫВАТЬ ВАС ВМЕСТЕ, И ЕЕ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕЛЬЗЯ ОТПУСКАТЬ, – ГОВОРИЛ ХОЛЛ. – НО Я РАЗЖАЛ ЛАДОНИ И ДАЛ ЕЙ ВЫСКОЛЬЗНУТЬ ИЗ МОИХ РУК.

– После смерти Гэри, Роб был в ужасном состоянии, – рассказывает Хелен Уилтон, которая работала у Холла менеджером базового лагеря на Эвересте в 1993, 1995 и 1996 годах. – Но виду не подавал. Он считал, что лучший способ справиться с горем – это продолжать двигаться дальше.

Холл в одиночестве продолжил управлять компанией «Консультанты по приключениям». Он планомерно совершенствовал инфраструктуру и расширял набор предлагаемых услуг, и ему, как и раньше, сопутствовал необычайный успех в организации и сопровождении экспедиций альпинистов-любителей на пики высоких и далеких гор.

В период между 1990 и 1995 годами Холл помог подняться на вершину Эвереста тридцати девяти альпинистам. Это было на три человека больше, чем общее число людей, вышедших на вершину за двадцать лет после покорения Эвереста Эдмундом Хиллари. Холл совершенно обоснованно объявил свою компанию «мировым лидером по восхождениям на Эверест, на счету которой больше подъемов, чем у любой другой организации». В брошюре, которую он рассылал потенциальным клиентам, было написано:

«Итак, вы жаждете приключений? Мечтаете посетить семь континентов или постоять на вершине высокой горы? Большинство из вас никогда не осмелятся идти туда, куда зовет их мечта, и едва ли отважатся даже признаться, что такая мечта существует.

Компания «Консультанты по приключениям» специализируется на организации путешествий и предоставлении проводников для восхождений на вершины. Мы накопили огромный опыт, мы знаем, как воплотить вашу мечту в реальность, мы работаем, чтобы помочь вам достичь ваших целей. Мы не собираемся затаскивать вас на гору – вам самим придется приложить много усилий, – но мы гарантируем максимальную безопасность и успех вашего приключения.

Тем, кто отважится идти на встречу к своей мечте, приключение подарит то, что нельзя описать словами. Мы приглашаем вас вместе с нами покорить гору вашей мечты».

В 1996 году за сопровождение на «крышу мира» Холл брал 65 000 долларов с человека. Как ни крути, это серьезные деньги, сумма, равная ипотечному кредиту за мой дом в Сиэтле, причем в эту сумму не входила стоимость перелета в Непал и затраты на личное снаряжение. По сравнению с конкурентами цены компании Холла были самым высокими, более того, некоторые из конкурентов брали ровно втрое меньше. Однако благодаря феноменальной истории успеха сопровождения клиентов на вершину у Холла не было недостатка желающих попасть в эту – восьмую для компании – экспедицию на Эверест. И если человек страстно мечтал покорить вершину мира и цена его не пугала, то «Консультанты по приключениям» оказывались его самым надежным партнером и самым очевидным выбором.

Утром 31 марта, через два дня после прибытия в Катманду, члены экспедиции 1996 года компании «Консультанты по приключениям» прошли по взлетной полосе международного аэропорта Трибхуван и поднялись на борт советского вертолета «Ми-17», обслуживаемого авиакомпаниями *Asian Airlines*. Этот большой, как школьный автобус, и побитый временем реликт времен афганской войны вмещал двадцать шесть пассажиров. По его виду складывалось ощущение, что летательный аппарат собирали в чьем-то гараже. Бортмеханик закрыл

дверь и раздал всем пассажирам вату для того, чтобы они вставили себе в уши, после чего огромный вертолет с ужасающим воем оторвался от земли.

Пол вертолета был завален горами снаряжения, рюкзаков и картонных коробок. По периметру на сиденьях расположились пассажиры, поджав колени к груди, лицом друг к другу. Оглушительный рев двигателей исключал любую возможность общения. Полет не был комфортабельным, но никто из нас не жаловался.

В 1963 году экспедиция Тома Хорнбейна начала длинный переход к Эвересту из Банепы, расположенной приблизительно в пятнадцати километрах от Катманду, и потратила тридцать один день, чтобы добраться до базового лагеря. Мы же, как и большинство современных покорителей Эвереста, предпочли не испытывать «радости» многокилометровой, пыльной и поднимающейся вверх дороги, а преодолеть этот путь по воздуху. Вертолет должен был высадить нас в отдаленной гималайской деревушке под названием Лукла, расположенной на высоте 2800 метров над уровнем моря. Если вертолет не разобьется, то мы почти на три недели сократим время, необходимое, чтобы добраться до базового лагеря.

Окинув взглядом вместительный салон вертолета, я попытался запомнить имена моих товарищей по команде. Кроме гидов Роба Холла и Энди Харриса, там была тридцатидевятилетняя мать четверых детей Хелен Уилтон, которая уже третий сезон работала менеджером базового лагеря. Медик и профессиональная альпинистка Каролина Маккензи, женщина около тридцати лет, была врачом экспедиции и так же, как и Хелен, не должна была подниматься выше базового лагеря.

Адвокат Лу Касишке, мужчина представительной и эффектной внешности, которого я встретил в аэропорту, покорил уже шесть из Семи вершин, точно так же, как и молчаливая и сдержанная сорокасемилетняя Ясуко Намба, директор по персоналу токийского отделения *Federal Express*.

Разговорчивый и общительный Бек Уэтерс, сорока девяти лет, работал патологоанатомом в Далласе. Стюарт Хатчисон – педантичный канадец-интеллектуал тридцати четырех лет – работал кардиологом, но в настоящий момент получил грант и занимался научными исследованиями. Самый старший член группы – пятидесятишестилетний Джон Таск работал анестезиологом в Брисбене и занялся альпинизмом после того, как ушел в отставку из австралийской армии.

Фрэнк Фишбек, пятидесяти трех лет, светский и щегольски одетый издатель из Гонконга, уже предпринял три попытки подняться на Эверест с одним из конкурентов Холла. В 1994 году он дошел до Южной вершины, которая находится всего на сто метров ниже главной вершины Эвереста по вертикали. Даг Хансен, сорока шести лет, был почтовым служащим из Америки. В 1995 году он совершил попытку подняться на Эверест вместе с Холлом, но, как и Фишбек, дошел только до Южной вершины.

Я даже не знал, что думать о моих коллегах по экспедиции. Внешне и по своему альпинистскому опыту они очень сильно отличались от крепких парней, с которыми я привык ходить в горы. Тем не менее все они казались милыми, приличными людьми, и во всей группе не было ни одной «сертифицированной сволочи» – во всяком случае, никто не успел проявить себя в таком качестве на начальном этапе.

Так или иначе у меня было мало общего с моими товарищами по экспедиции – за исключением Дага. Он был жилистым, любителем экстрима в смысле работы и отдыха, и его не по возрасту загрубевшее лицо напоминало старый футбольный мяч. Даг более двадцати семи лет проработал почтовым служащим. Он рассказал мне, что скопил деньги на это путешествие, работая на почте в ночную смену, а днем подрабатывая на стройке. Поскольку я сам до того, как стать писателем, восемь лет работал плотником, и состояние наших финансов было гораздо более скромным по сравнению с остальными клиентами, я сразу почувствовал себя с Дагом комфортно и спокойно, как ни с кем другим.

Свое растущее беспокойство я объяснял главным образом тем, что никогда ранее не поднимался в горы в составе такой большой и незнакомой мне группы людей. За исключением одной поездки на Аляску двадцать один год назад, все предыдущие экспедиции я совершал либо с одним-двумя проверенными и надежными друзьями, либо в гордом одиночестве.

В альпинизме крайне важно быть уверенным в тех, кто находится с тобой рядом. Действия одного альпиниста могут самым драматическим образом повлиять на состояние всей команды.

Плохо затянутый узел, неверный шаг, сдвинутый камень или какое-то другое небрежное действие могут привести к неприятным и непредсказуемым последствиям – как для совершившего оплошность, так и для его товарищей. Поэтому совершенно не удивительно, что альпинисты с огромной неохотой берут в свою команду людей, которых знают плохо или совсем не знают.

Однако взаимное доверие является непозволительной роскошью для тех, кто стал клиентом платной экспедиции. Здесь приходится полагаться только на проводника. Пока вертолет с оглушающим ревом подлетал к Лукле, я начал подозревать, что все мои товарищи по экспедиции – точно так же, как и я сам, – втайне надеялись, что Холл позаботился о том, чтобы «отфильтровать» клиентов с сомнительными способностями, а также принял все меры для защиты каждого из нас от ошибок и промахов остальных участников команды.

Глава 4. Пхакдинг

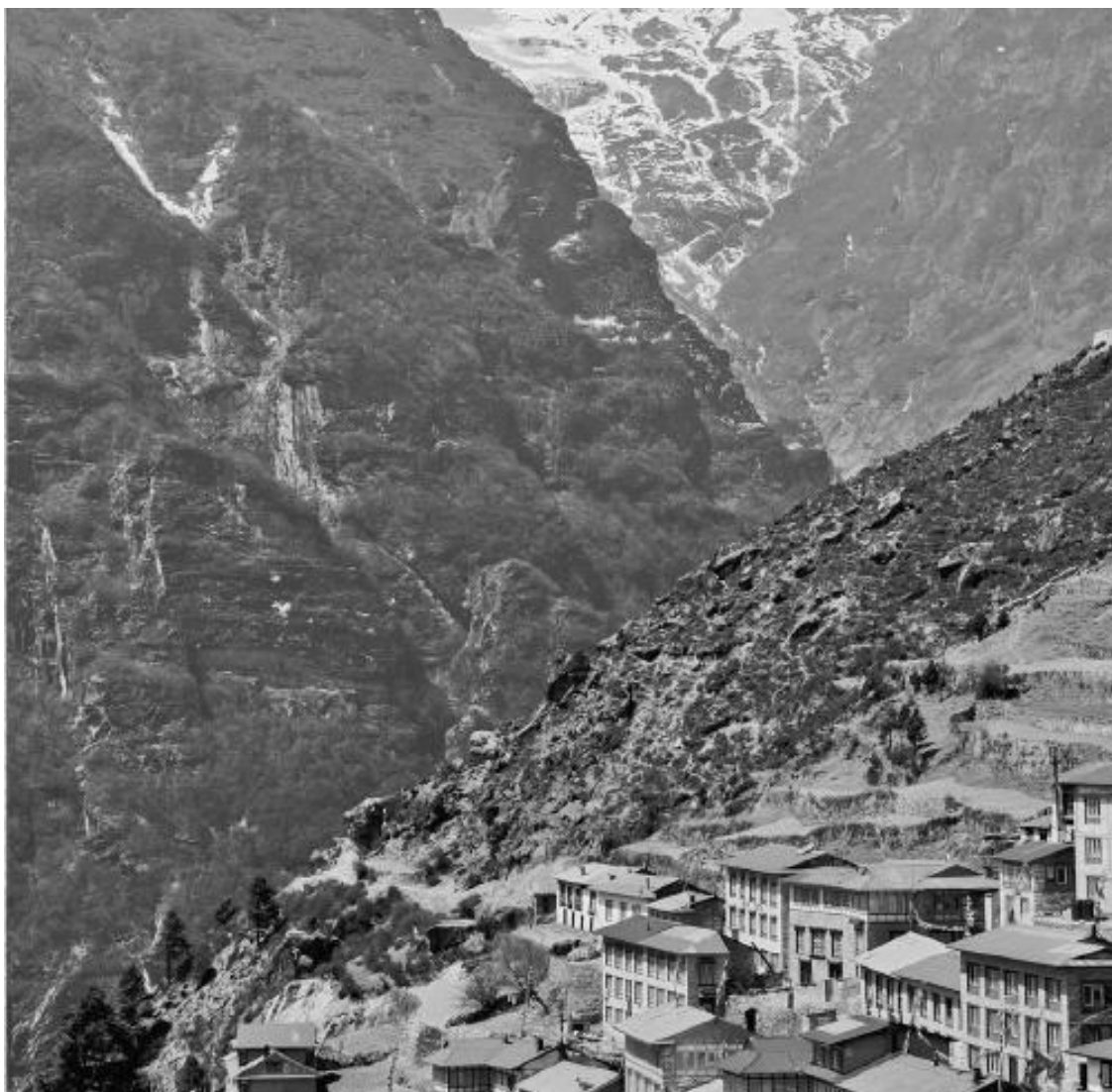
31 марта 1996 года. 2800 метров

Для тех, кто не валял дурака и не расслаблялся, ежедневные переходы заканчивались чуть позже полудня, но редко до того, как жара и боль в ногах заставляли нас спрашивать каждого встречного шерпа: «Как далеко до лагеря?» Ответ, как мы вскоре узнали, был всегда неизменным: «Не больше трех километров, сагиб...»

Вечера были тихими, дым поднимался в спокойном воздухе, смягчая сумерки, быстро меняющееся освещение озаряло горный хребет, где мы должны разбить лагерь следующей ночью, а облака закрывали те места, по которым нам предстояло пройти. Растущее возбуждение снова и снова увлекало мои мысли к Западному гребню...

Когда садилось солнце, я зачастую чувствовал себя одиноким, но лишь изредка мои сомнения возвращались. В такие минуты мне казалось, что вся моя жизнь осталась позади. Ступив на гору, я знал (или верил), что это чувство уступит место полной концентрации для решения предстоящей задачи. Но иногда я спрашивал себя: неужели я проделал весь этот долгий путь только для того, чтобы понять, что на самом деле ищу то, что оставил позади.

Томас Хорнбейн «Эверест. Западный гребень»

Из Луклы путь лежал на север по сумеречному ущелью, где бурным потоком неслась с ледника по засыпанному валунами руслу холодная речка Дудх-Коси. Первую ночь нашего перехода мы провели в деревушке под названием Пхакдинг.

Эта деревушка состояла из полдюжины домов и переполненных гестхаусов, в которых останавливались трекеры⁴ и альпинисты, и была расположена на горизонтальном выступе склона над рекой.

С наступлением темноты подул по-зимнему холодный ветер, и утром, когда я поднялся вверх по тропе, на листьях рододендронов ярко блестел иней. Но Эверест находится на 28 градусах северной широты, то есть чуть выше тропиков, и как только солнце поднялось достаточно высоко, чтобы его лучи проникли в глубь каньона, температура резко поднялась. К полудню, когда мы перешли четвертый за тот день шаткий пешеходный мост, подвешенный высоко над рекой, пот градом катился у меня по лицу, и я разделся до шортов и майки.

За мостом грунтовая тропинка отошла в сторону от берегов Дудх-Коси и стала зигзагом подниматься вверх по крутой стене каньона. Периодически на тропинке встречались небольшие рощицы благоухающих сосен. Изысканно рифленные шпили ледяных пиков Тамсерку и Кусум-Кангру пронзали небо на расстоянии более трех вертикальных километров над голо-

⁴ От англ. *trekker* – идущий по треку, или маршруту. В Гималаях надо много ходить, поэтому термин «турист» мало употребим. – *Примеч. перев.*

вой. Это был красивый край, поражающий своим величием, но вот уже много веков он не являлся дикой и неосвоенной территорией.

На каждом клочке пахотной земли были устроены террасы, на которых выращивали ячмень, гречиху или картофель. Молитвенные флажки были натянуты на веревках между склонами гор, тут и там встречались древние буддистские *чортены*^[19] и стены, выложенные из покрытых резьбой камней *мани*^[20], стоявшие, словно часовые, даже на самых высоких перевалах.

Когда я повернул от речки, тропа была забита треккерами, караванами яков^[21], монахами в красных робах и босыми шерпами, сгибающимися под тяжестью непомерно больших и тяжелых грузов – дров, керосина и газированных прохладительных напитков.

Через полтора часа после того, как мы пересекли широкий мост через реку, я прошел через лабиринт окруженных каменными стенами загонов для яков и неожиданно оказался в центре Намче-Базара, культурного и торгового центра шерпов.

Расположенный на высоте 3450 метров над уровнем моря, Намче занимает огромный, чуть покатый и округлый участок земли, напоминающий вставленную в склон горы спутниковую тарелку. Более сотни строений, соединенных лабиринтом узких тропинок и мостиков, прилепились к скалистому склону. В районе нижней окраины города я нашел гестхаус *Khumbu Lodge*, поднял полог одеяла, выполнявшего функцию входной двери, и увидел своих товарищей по экспедиции, которые пили чай с лимоном за столом в углу.

Я подошел, и Роб Холл представил меня Майку Груму, третьему проводнику нашей экспедиции. Тридцатитрехлетний австралиец с морковно-рыжими волосами, худой и поджарый, как бегун-марафонец, Грум работал водопроводчиком в Брисбене и только периодически подрабатывал высокогорным гидом. В 1987 году ему пришлось провести ночь под открытым небом во время спуска с вершины Канченджанга (8586 метров), он обморозил ноги, после чего ему ампутировали все пальцы на ногах.

Несмотря на это, уже после столь печального инцидента Грум совершил восхождения на вершины Чогори, Лхоцзе, Чо-Ойю, Ама-Даблам и, в 1993 году, на Эверест, причем без баллона с кислородом.

Он был чрезвычайно спокойным и осторожным, хотя и малообщительным человеком, редко начинал разговор первым, а на все вопросы отвечал кратко и очень тихим голосом.

Во время обеда за столом беседу поддерживали главным образом три врача-клиента: Стюарт, Джон и в особенности, Бек. Как показало будущее, на протяжении почти всей экспедиции они втроем выполняли роль тамады. К счастью, Джон и Бек были очень остроумны, и вся компания смеялась до слез.

Бек, однако, имел привычку обращать свои монологи в уничижительные, едкие выступления против трусов-либералов в стиле ультраконсерватора Раша Лимбо^[22]. Я в тот вечер совершил ошибку, вступив с ним в спор. В ответ на одно из его замечаний я заявил, что увеличение минимальной заработной платы было бы мудрым и даже необходимым политическим шагом. Бек оказался эрудированным и искусным оппонентом и разнес мое неуклюжее возражение в пух и прах, а мне не хватило аргументов, чтобы с ним спорить. Оставалось только замолчать, прикусив язык, и безмолвно возмущаться.

Пока он с сильнейшим техасским акцентом продолжал разглагольствовать о многочисленных примерах идиотизма в концепции государства всеобщего благоденствия, я, чтобы избежать еще большего унижения, поднялся и вышел из-за стола.

Потом, вернувшись в столовую, я подошел к хозяйке попросить пива. В этот момент хозяйка, маленькая, изящная шерпа, принимала заказ у группы американских треккеров.

– Мы хотеть есть, – вещал краснощекий мужчина неестественно громким голосом, сознательно коверкая свой родной язык и жестом рукой изображая то, что он ест. – Хотеть кар-тош-ка. Як-бур-гер. Ко-ка-ко-ла. Вы иметь?

– Не желаете ознакомиться с меню? – ответила хозяйка-шерпа на идеальном английском с легким канадским акцентом. – У нас очень богатый выбор блюд. И если вас это интересует, то на кухне остался свежий яблочный пирог на десерт.

Однако американский треккер, видимо, был не в состоянии понять, что эта смуглая жительница гор обратилась к нему на прекрасном, абсолютно классическом английском, и упорно продолжал изъясняться на ломаном «пиджин-инглиш»^[23].

– Мень-ю. Хорошо, хорошо. Да, да, мы желать посмотреть мень-ю.

Шерпы остаются загадкой для большинства иностранцев, которые склонны смотреть на них сквозь розовые романтические очки. Люди, незнакомые с демографической ситуацией Гималаев, зачастую предполагают, что все жители Непала являются шерпами, хотя на самом деле во всем Непале не более двадцати тысяч шерпов. Государство Непал занимает площадь, равную по размерам штату Северная Каролина, в нем приблизительно двадцать миллионов жителей, являющихся представителями более пятидесяти различных этнических групп. Шерпы – это горная народность, исповедующая буддизм, а их предки переселились на юг с Тибета четыре или пять столетий назад.

Поселения шерпов разбросаны по всем Гималаям в Восточном Непале, кроме того, их довольно большие общины можно найти в индийских штатах Сикким и Дарджилинг. Однако центром страны шерпов является район Кхумбу, состоящий из нескольких долин на южном склоне Эвереста. Кхумбу – это маленький, с удивительно сложным рельефом регион, в котором совершенно отсутствуют дороги, автомобили и любые другие колесные средства передвижения.

Заниматься сельским хозяйством в высокогорных холодных долинах с отвесными склонами крайне сложно, поэтому традиционно шерпы зарабатывали на торговле между Тибетом и Индией, а также занимались выпасом яков. Когда в 1921 году британцы отправились в свою первую экспедицию к Эвересту, то решили нанимать шерпов в качестве носильщиков и помощников. В итоге это изменило культуру всего высокогорного народа.

Так как королевство Непал до 1949 года держало свои границы закрытыми, первая разведывательная, а также последующие восемь экспедиций на Эверест были вынуждены штурмовать гору с севера, через Тибет, и никогда даже близко не подходили к Кхумбу. Однако эти первые девять экспедиций отправлялись на Тибет из города Дарджилинга, куда эмигрировало много шерпов и где у местных колониальных властей они заслужили репутацию трудолюбивых, приветливых и умных людей. Кроме этого, большинство шерпов из поколения в поколение жили в деревнях, расположенных на высоте от 2700 до 4300 метров, следовательно, были физиологически адаптированы к условиям больших высот.

По рекомендации шотландского доктора А. М. Келласа, который поднимался в горы и много путешествовал вместе с шерпами, для помощи экспедиции на Эверест 1921 года в качестве носильщиков и подручных рабочих по лагерю наняли большое количество шерпов, и с тех пор, на протяжении семидесяти пяти лет, этой практике следовали почти все экспедиции.

Не берусь судить о том, хорошо это или плохо, но в течение двух последних десятилетий экономика и культура Кхумбу оказались неразрывно связанными с сезонным притоком треккеров и альпинистов, которых ежегодно приезжает около пятнадцати тысяч. Шерпы, освоившие технические навыки альпинизма и имеющие опыт работы высоко в горах – в особенности те, кто поднимался на вершину Эвереста, – пользуются большим уважением в своих общинах. При этом шерпы, ставшие звездами альпинизма, сильно рискуют жизнью.

Начиная с 1922 года, когда во время второй британской экспедиции при сходе лавины погибло семеро шерпов, на Эвересте потеряли жизни пятьдесят три представителя этой народности. Фактически это более трети всех смертей, произошедших на Эвересте.

Несмотря на очевидный риск, среди шерпов существует жестокая конкуренция за двенадцать-восемнадцать свободных мест в обычной экспедиции на Эверест. Самая жестокая конкурентная борьба происходит за пяток вакансий для высококвалифицированных шерпов-альпинистов, которые могут рассчитывать на заработок от 1400 до 2500 долларов за два месяца опасного труда – хорошие деньги в стране, прозябающей в нищете и с годовым доходом около 160 долларов на человека.

С увеличением притока западных альпинистов и треккеров в Кхумбу, как грибы, появляются все новые и новые гестхаусы и чайные, и новое строительство особенно заметно в Намче-Базаре. По пути к Намче я обгонял много носильщиков, тащивших в горы свежеспиленные бревна весом под пятьдесят килограммов каждое, которые были срублены в лесах, расположенных ниже долин. И за этот убийственный труд шерпы зарабатывают около трех долларов в день.

Тех, кто приезжает в Кхумбу на протяжении многих лет, совсем не радует туристический бум и перемены, происшедшие в этих местах, которые первые западные альпинисты считали земным раем, настоящей волшебной страной Шангри-Ла. С тех пор в ряде долин полностью вырубili леса, чтобы удовлетворить растущий спрос на дрова. Подростки, болтающиеся по салонам для игры в карром^[24] в Намче, скорее всего, будут одеты в джинсы и футболки с надписью *Chicago Bulls*, а не в традиционную одежду. Семьи готовы целыми вечерами проводить у экрана телевизора, подключенного к видеоманитфону, уставившись в очередной голливудский «шедевр» с участием Шварценегера.

Вне всякого сомнения, не все перемены в культуре Кхумбу идут на пользу жителям этого района, но я ни разу не слышал, чтобы хоть один шерп горевал по этому поводу. Благодаря твердой валюте, поступающей от треккеров и альпинистов, а также дотациям международных организаций по туризму и альпинизму были построены школы и поликлиники, снизилась детская смертность, появились пешеходные мосты, а также в Намче и другие деревни провели электричество. Так что плакать западникам по поводу ушедших в прошлое старых добрых времен, когда жизнь в Кхумбу казалась намного проще и выглядела живописней, было бы верхом лицемерия и бессмысленности. Большинство людей, проживающих в этом суровом краю, судя по всему, совсем не горят желанием оказаться отрезанными от современной жизни и от поступательного развития прогресса. Шерпам меньше всего на свете нужно, чтобы их превратили в живые экспонаты антропологического музея.

Быстрый ходок, прошедший предварительную акклиматизацию в условиях больших высот, мог бы преодолеть расстояние от взлетной полосы Луклы до базового лагеря Эвереста за каких-нибудь два-три длинных дневных перехода. Однако большинство из нас только что прибыли с высоты уровня моря, поэтому Холл предусмотрительно выбрал более спокойный темп – чтобы дать нашим организмам время адаптироваться к возрастающей разреженности воздуха. За один день мы шли не дольше трех-четырех часов. А в некоторые дни, когда по плану Холла нам требовалась дополнительная акклиматизация, мы вообще не двигались с места.

3 апреля после дня акклиматизации в Намче мы продолжили переход к базовому лагерю. Через двадцать минут после выхода из деревни я зашел за поворот, и передо мной открылось зрелище, от которого захватывало дух. Подо мной, на глубине шестисот метров, прорезая глубокую складку в каменном ложе, виднелась извилистая лента реки Дудх-Коси, поблескивающая серебром на глубине темного ущелья. Над долиной, поднимаясь вверх на три тысячи метров, зависло, словно привидение, огромное, подсвеченное сзади острие Ама-Даблама. А на две с лишним тысячи метров выше Ама-Даблама высилась ледяная громада самого Эвереста, почти вся скрытая горой Нупцзе. Над вершиной, как обычно и бывает, раз-

вевался шлейф. Казалось, это дым, но на самом деле это застывший конденсат – напоминание о том, какие сильнейшие ветра дуют на такой большой высоте.

Я смотрел на Эверест, наверное, минут тридцать, пытаюсь представить, каково будет стоять на обдуваемом штормовыми ветрами пике горы. Хотя я поднимался на сотни гор, Эверест настолько отличался от всех вершин, которые я уже покорил, что мне не хватало воображения.

Вершина казалась такой холодной, высокой и недостижимой, словно я собрался в пеший поход на Луну. Когда я отвернулся от горы, чтобы продолжить подъем по тропе, то понял, что мое состояние было чем-то средним между нервным ожиданием и почти всепоглощающим чувством страха.

В конце того дня я прибыл в Тенгбоче^[25], главный и самый большой буддистский монастырь в Кхумбу.

Шерп по имени Чхонгба, худой и задумчивый мужчина, которого взяли в нашу экспедицию поваром в базовом лагере, предложил устроить встречу с *ринпоче* – главным ламой всего Непала, как он объяснил нам.

– Очень святой человек, – говорил он. – Как раз вчера у него закончился долгий ритрит, то есть период медитации молчания – за три последних месяца лама не проронил ни слова. Мы будем его первыми гостями. Это самый благоприятный момент для встречи.

Мы с Дагом и Лу выдали Чхонгбе по сто рупий (примерно по два доллара) для покупки церемониальных *ката* – белых шелковых шарфов, необходимых при представлении нас ринпоче, – затем сняли обувь, и Чхонгба завел нас в расположенную позади главного храма маленькую комнату, по полу которой тянул сильный сквозняк.

На парчовой подушке, завернутый в одеяние цвета бургундского вина, сидел, скрестив ноги, низенький и полный мужчина с блестящей макушкой. Монах казался очень старым и очень усталым. Чхонгба почтительно поклонился, сказал ему несколько слов на языке шерпов, после чего дал нам знак подойти ближе. Потом ринпоче благословил всех нас по очереди, возложив нам на шею шарфы *ката*, которые мы ему принесли. После этого он блаженно улыбнулся и гостеприимно предложил нам чаю.

– Наденьте эти *ката*, когда пойдете на вершину Эвереста^[26], – посоветовал мне Чхонгба торжественным голосом. – Это будет приятно Богу и поможет отвести от вас беду.

Я не очень хорошо представлял, как нужно себя вести в присутствии такого уважаемого человека, этой живой реинкарнации древнего и прославленного ламы, поэтому приходил в ужас от одной мысли, что могу невольно оскорбить его или совершить непростительную оплошность. Пока я нервно пил сладкий чай и ерзал, Его Святейшество порылся в стоящем рядом шкафу, вынул из него большую книгу в красивой обложке и торжественно вручил ее мне. Я, как мог, вытер свои грязные руки и с замиранием сердца открыл ее. Это оказался альбом с фотографиями. Ринпоче недавно впервые посетил Америку, и в альбоме были фотографии, снятые во время этого путешествия: Его Святейшество в Вашингтоне – на фоне мемориала Линкольну и Музея истории воздухоплавания и космонавтики, в Калифорнии – на пирсе в Санта-Монике. Широко улыбаясь, он с заметным удовольствием показал нам две свои самые любимые фотографии во всем альбоме: на первой он был изображен с Ричардом Гиром, а на второй – со Стивеном Сигалом.

Первые шесть дней перехода я провел, ослепленный практически райской красотой. Тропа вела нас мимо полян, заросших можжевельником, карликовыми березами, голубыми елями и рододендронами, мимо шумных водопадов, живописных садов камней и журчащих потоков. В голове звучал вагнеровский «Полет валькирий», а линия горизонта щетинилась вершинами, о которых я читал еще в детстве. Большую часть моих вещей тащили яки и носильщики, поэтому в рюкзаке оставались только куртка, пара энергетических батончиков

и фотоаппарат. Я шел, не обремененный тяжелым грузом, никуда не торопясь, и получал удовольствие от прогулки по экзотической стране. Я шел, словно в трансе, однако моя эйфория редко длилась долго. Рано или поздно я вспоминал, куда иду, тень Эвереста появлялась в моем сознании, возвращая меня к действительности, и я моментально напрягался.

Каждый из нас двигался в своем темпе, останавливаясь, когда вздумается, чтобы отдохнуть в придорожных чайных или пообщаться с прохожими. Я часто оказывался в компании почтового служащего Дага Хансена и спокойного, приятного в общении Энди Харриса, который был младшим проводником в команде Роба Холла. Энди, которого Роб Холл и все его новозеландские друзья звали Гарольдом, был большим сильным парнем, одаренным мускулистым сложением защитника НФЛ и красотой альфа-самца из рекламы сигарет. Во время новозеландской зимы он работал проводником с горнолыжниками, которых высаживают на склоны с вертолета. Летом он работал с учеными, проводившими геологические исследования в Антарктике, или сопровождал альпинистов в новозеландские Южные Альпы.

Мы поднимались по тропе, и Энди с любовью рассказывал о женщине, с которой он жил. Она работала врачом, и звали ее Фиона Макферсон. Мы присели отдохнуть на камень, он достал из рюкзака и показал мне ее фотографию. Фиона оказалась высокой блондинкой со спортивной фигурой. Энди рассказывал, что они с Фионой уже наполовину построили дом в горах за Квинстауном. Увлеченно говоря о простых радостях распилки бревен и заколачивания гвоздей, Энди признавался, что, когда Роб впервые предложил ему эту работу на Эвересте, он сомневался, стоит ли принимать это предложение.

– Вообще-то трудно было оставить Фи и дом. Мы тогда как раз крышу успели положить, понимаешь? Но, с другой стороны, как можно отказаться от шанса подняться на Эверест? В особенности, когда предоставляется возможность поработать с таким человеком, как Роб Холл.

Хотя Энди еще никогда не поднимался на вершину Эвереста, он уже успел побывать в Гималаях. В 1985 году он поднимался на весьма сложную гору под названием Чобуцзе (6685 метров), расположенную в сорока пяти километрах к западу от Эвереста. А осенью 1994-го помогал Фионе в организации медицинской клиники и провел четыре месяца в Фериче – унылой, обдуваемой всеми ветрами деревушке, расположенной на высоте 4270 метров над уровнем моря, в которой мы провели две ночи, 4 и 5 апреля.

Клинику основал фонд под названием Гималайская спасательная ассоциация (ГСА) главным образом для лечения горной болезни (она также предоставляет бесплатную медицинскую помощь местным шерпам) и для информирования треккеров об опасных последствиях подъема в горы на слишком большую высоту в слишком сжатые сроки.

Во время нашего посещения штат четырехкомнатной клиники состоял из французского врача Сесилия Бувре, пары молодых американских врачей Ларри Силвера и Джима Литча и энергичной активистки по охране окружающей среды американки Лауры Займер, которая помогала Литчу.

Клиника была основана в 1973 году – после того, как в этом районе заболели горной болезнью и умерли четыре члена японской треккинг-группы.

Когда клиники не было, от горной болезни умирал один или два из каждых пятисот треккеров, проходящих через Фериче.

Займер говорила, что количество смертных случаев от высотной, или горной, болезни не имеет никакого отношения к несчастным случаям среди альпинистов. Жертвами высотной болезни становятся «самые обычные треккеры, которые никогда даже и не отклонялись от проторенных маршрутов».

В настоящее время благодаря обучающим семинарам и экстренной помощи, оказываемой врачами-добровольцами этой клиники, уровень смертности снизился до одного летального исхода на тридцать тысяч треккеров.

Хотя идеалистически настроенные представители западного мира, наподобие Займер, работают в клинике Фериче совершенно бесплатно, более того – даже сами оплачивают авиабилеты до Непала и обратно, эти должности считаются престижными и привлекают высококвалифицированных соискателей со всего мира. Врач экспедиции Холла Каролина Маккензи работала в клинике ГСА с Фионой Макферсон и Энди осенью 1994 года.

В 1990 году, когда Холл впервые поднялся на Эверест, клиникой руководила успешная и уверенная в себе врач из Новой Зеландии Джен Арнольд. Холл познакомился с ней, когда шел через Фериче на Эверест, и был сражен стрелой Амура.

– Как только я вернулся с Эвереста, то тут же пригласил Джен на свидание, – вспоминал Холл во время нашей первой ночевки в этой деревне. – И в качестве места для первого свидания я предложил ей съездить на Аляску и совершить восхождение на гору Мак-Кинли. И она согласилась.

Они поженились через два года. В 1993 году Арнольд поднялась на Эверест вместе с Холлом. В 1994 и 1995 годах она была врачом экспедиции в базовом лагере. Она бы и в этот год вернулась в базовый лагерь и работала там врачом, но была на седьмом месяце беременности. Они ждали своего первенца. Поэтому работа досталась доктору Маккензи.

В четверг после обеда, в первый день нашего пребывания в Фериче, Лаура Займер и Джим Литч пригласили в клинику Холла, Харриса и менеджера базового лагеря Хелен Уилтон, чтобы выпить и пообщаться.

На протяжении вечера разговор периодически возвращался к теме риска, связанного с подъемом на Эверест. Литч вспоминает эту дискуссию с удивительной ясностью и утверждает, что **ХОЛЛ, ХАРРИС И ОН САМ ПРИШЛИ К ПОЛНОМУ СОГЛАСИЮ, ЧТО РАНО ИЛИ ПОЗДНО НЕМИНУЕМО ПРОИЗОЙДЕТ КАТАСТРОФА, КОТОРАЯ УНЕСЕТ ЖИЗНИ МНОГИХ КЛИЕНТОВ И АЛЬПИНИСТОВ-ПРОФЕССИОНАЛОВ.**

Сам Литч прошлой весной поднялся на Эверест со стороны Тибета; по его словам, «Роб считал, что трагедия обойдет его стороной». Холл волновался лишь по поводу того, что ему придется «спасать олухов из другой команды», и считал, что если беда и случится, то произойдет она, скорее всего, «на более опасном северном склоне», то есть со стороны Тибета.

В субботу, 6 апреля, после нескольких часов подъема от Фериче мы добрались до нижнего края ледника Кхумбу, ледового языка в восемнадцать километров длиной, который сползает по южному склону Эвереста. Я очень надеялся, что он станет нашей дорогой к вершине. Мы оказались на высоте 4880 метров и оставили позади последние следы растительности. Двадцать каменных монументов мрачным рядом стояли вдоль границы верхней оконечности ледниковой морены, или ледникового отложения, возвышаясь над покрытой туманом долиной. Это были памятники погибшим на Эвересте альпинистам, главным образом шерпам.

Начиная с этого участка, наш мир стал монохромным и состоящим из обдуваемых всеми ветрами камней и льда. Хотя двигались мы размеренным шагом, я стал ощущать недостаток кислорода в разреженном воздухе – у меня началась одышка и кружилась голова.

Во многих местах на тропе высились снежные сугробы высотой в человеческий рост. Когда наст на снегу подтаивал в лучах послеполуденного солнца, копыта наших яков пробивали его, и животные проваливались по брюхо. Недовольные погонщики начинали бить яков, чтобы заставить их двигаться дальше, и грозились повернуть обратно. К концу дня мы добрались до деревни Лобуче, где и нашли убежище от ветра в тесном и потрясающе грязном гестхаусе.

Деревня Лобуче представляла собой ряд низеньких, обшарпанных строений, прилепившихся назло всем стихиям на краю ледника Кхумбу. Это было достаточно мрачное место,

забитое шерпами, альпинистами из десятка самых разных экспедиций, немецкими треккерами и стадами отощавших яков.

Все они направлялись в базовый лагерь у подножия Эвереста, до которого оставался один день. Как объяснил Роб, такое столпотворение народа и яков объяснялось необычайно поздним снегом и толстым снежным покровом, из-за которого до вчерашнего дня ни один як не мог дойти до базового лагеря. С десятков местных гестхаусов в деревушке были переполнены. Палатки стояли тесными рядами на мизерных клочках мокрой, грязной и не покрытой снегом земли. Десятки носильщиков-индусов, а также тамангов⁵, одетых в легкую одежду и вьетнамки и работавших на самые разные экспедиции, жили в пещерах и под прикрытием огромных валунов на окрестных склонах.

Содержимое трех и четырех каменных деревенских туалетов в буквальном смысле рвалось наружу, потому что выгребные ямы были переполнены. Западные путешественники и непальцы обходили эти туалеты как можно дальше и ходили по-большому прямо на землю, там, где их застала нужда. Повсюду, как мины, лежали горки вонючих экскрементов, и приходилось постоянно смотреть под ноги, чтобы на них не наступить. Протекавшая по деревне речушка, которую питали талые воды ледников и снега, была больше похожа на вонючую сточную канаву, чем на реку.

В главной комнате гестхауса, в котором мы остановились, стояли деревянные нары приблизительно на тридцать человек. Я нашел свободное место на верхнем ярусе, вытряхнул, насколько это было возможно, блох и клопов из замызганного матраса и расстелил поверх него свой спальный мешок. У ближней к моим нарам стены стояла маленькая железная печка, которую топили сухим навозом яков. После захода солнца температура резко упала, носильщики вошли с улицы в помещение и сгрудились около печки.

Сухой навоз вообще горит не самым лучшим образом, а в бедном кислородом воздухе на высоте 4940 метров и подавно. Помещение наполнилось густым и едким дымом, словно в комнату вывели выхлопную трубу дизельного автобуса. Я без конца кашлял и дважды за ночь был вынужден вскакивать и выбегать на улицу, чтобы подышать свежим воздухом. К утру глаза стали красными, и я испытывал в них сильное жжение, ноздри были забиты черной копотью, меня начал мучить сухой и надрывный кашель, который не пройдет до самого конца экспедиции.

Холл планировал, что в Лобуче мы будем акклиматизироваться всего один день и затем отправимся к базовому лагерю, до которого оставалось не более девяти или одиннадцати километров. Наши шерпы прибыли туда несколькими днями ранее и начали готовить стоянку для лагеря и прокладывать маршрут по нижним склонам самого Эвереста.

ВЕЧЕРОМ 7 АПРЕЛЯ В ЛОБУЧЕ ПРИБЫЛ ГОНЕЦ С ТРЕВОЖНЫМ ИЗВЕСТИЕМ ИЗ БАЗОВОГО ЛАГЕРЯ: МОЛОДОЙ ШЕРП ПО ИМЕНИ ТЕНЦИНГ, НАНЯТЫЙ РОБОМ, ПРОВАЛИЛСЯ В РАССЕЛИНУ В ЛЕДНИКЕ ГЛУБИНОЙ 46 МЕТРОВ.

Четыре других шерпа вытащили его живым, но он серьезно пострадал, и у него, возможно, перелом бедра. Лицо Роба стало серым, и он объявил, что на рассвете они с Майком Грумом выдвинутся в базовый лагерь, чтобы координировать работы по спасению Тенцинга.

– Как это ни печально, но я должен сообщить, – продолжал Роб, – что вам придется остаться в Лобуче с Гарольдом и ждать, пока ситуация снова не будет под контролем.

Тенцинг, как мы впоследствии узнали, вместе с другими четырьмя шерпами проводил разведку маршрута выше первого лагеря. Шерпы поднимались по относительно легкой части ледника Кхумбу. Все пятеро шли гуськом друг за другом, что было вполне разумно, но не использовали веревок – а вот это было уже серьезным нарушением альпинистских пра-

⁵ Народ, проживающий в Центральном и Восточном Непале. – *Примеч перев.*

вил безопасности. Тенцинг шел замыкающим и ступал точно след в след идущих впереди него, как вдруг неожиданно провалился сквозь тонкий слой снега, который замел глубокую трещину в леднике. Он даже и вскрикнуть не успел, как камнем полетел в киммерийские^[27] недра ледника.

Высота в 6250 метров является слишком большой для безопасной эвакуации вертолетом. Разреженная атмосфера не позволяет обеспечить достаточную подъемную силу для винта вертолета, и приземление, взлет или просто зависание над землей становятся слишком рискованными. Поэтому Тенцинга решили спустить к расположенному на девятьсот вертикальных метров ниже базовому лагерю по ледопадку Кхумбу – одному из самых отвесных и наиболее опасных мест на всей горе. В общем, доставить Тенцинга вниз живым было делом совсем нелегким и требовало участия большого количества людей.

Роб всегда очень серьезно относился к вопросу безопасности шерпов, которые на него работали. Прежде чем наша группа покинула Катманду, он собрал всех и прочитал неожиданно суровым тоном лекцию о необходимости выказывать нашим шерпам благодарность и уважение.

– Шерпы, которых мы наняли, являются самыми лучшими среди лучших. Они выполняют неимоверно тяжелую работу за совсем – по западным меркам – небольшие деньги, – сказал он. – Я хочу, чтобы все вы помнили, у нас нет абсолютно никаких шансов взойти на вершину без их помощи. **ПОВТОРЮ ЕЩЕ РАЗ: БЕЗ ПОДДЕРЖКИ НАШИХ ШЕРПОВ НИ ОДИН ИЗ НАС НЕ ИМЕЕТ НИКАКИХ ШАНСОВ ПОДНЯТЬСЯ НА ГОРУ.**

Позже Роб признался, что в прошлые годы критиковал руководителей некоторых экспедиций за пренебрежительное отношение к шерпам, которых те нанимали. В 1995 году на Эвересте погиб совсем юный шерп. Холл считал, что этот несчастный случай произошел потому, что ему «разрешили подняться в горы без надлежащей предварительной подготовки. Я считаю, что обязанностью каждого, кто организует эти восхождения, является предотвращение подобных случаев».

В прошлом году американская коммерческая экспедиция наняла шерпа по имени Ками Рита на место помощника повара. Он был крепким и амбициозным, ему было приблизительно двадцать один – двадцать два года, и он постоянно просил, чтобы ему разрешили работать на горе в качестве альпиниста. Его энтузиазм и рвение заметили и оценили и спустя пару недель его просьбу удовлетворили, хотя он не имел никакого альпинистского опыта и не проходил подготовки по технике восхождения.

На высоте от 6700 до 7600 метров стандартный маршрут восхождения пролегает по коварному отвесному ледяному склону, известному под названием стена Лхоцзе. Для обеспечения дополнительной безопасности экспедиции всегда протягивают ряд веревок по этому склону от подножия до верхушки. Предполагается, что альпинисты во время подъема будут цеплять короткую страховку, которая карабином пристегивается к основной, протянутой по склону веревке.

По молодости, легкомыслию и самой банальной неопытности Ками не считал нужным пристегнуться. Однажды, поднимаясь с грузом по стене Лхоцзе, он поскользнулся на льду и, пролетев более шестисот метров, упал у подножия стены.

Мой товарищ по экспедиции Фрэнк Фишбек был свидетелем этого происшествия. В 1995 году он предпринял третью попытку подняться на Эверест в качестве клиента американской компании, с которой работал Ками. Фрэнк поднимался по веревкам на верхней части стены Лхоцзе.

– Я посмотрел наверх, – с волнением вспоминает он. – И увидел, как вдоль склона скалы кубарем катится вниз человек. Он пронзительно кричал и оставлял за собой кровавый след.

Несколько альпинистов бросились к месту падения Ками у подножия стены, но он уже умер от повреждений, которые получил во время падения. Его тело доставили в базовый лагерь, где, в соответствии с буддистской традицией, его товарищи в течение трех дней приносили душе покойника еду. После этого тело перенесли в деревню близ Тенгбоче и кремировали. В то время, когда горел погребальный костер и пламя пожирало тело Ками, его мать безутешно рыдала и била себя по голове острым камнем.

Ками не выходил из головы Роба, когда на рассвете 8 апреля они с Майком выдвинулись к базовому лагерю, чтобы попытаться спустить Тенцинга с Эвереста живым.

Глава 5. Лобуче

8 апреля 1996 года. 4940 метров

Мы миновали остроконечные ледяные баши Аллеи призраков и вошли в заваленную камнями долину, находящуюся в основании огромного амфитеатра...

В этом месте ледопад круто поворачивал на юг, превращаясь в ледник Кхумбу. Мы разбили базовый лагерь на высоте 5420 метров, на боковой морене, формирующей внешний край излучины ледника. Громадные валуны придавали этому месту вид нерушимой твердости, но шуршание мелких камней под ногами разрушало это обманчивое впечатление. Все, что можно было увидеть, почувствовать или услышать – ледопад, морену, лавину, холод, – относилось к миру, не предназначенному для человеческого обитания. Здесь не было слышно звуков текущей воды, и не было видно какой-либо растительности, здесь царили лишь хаос и пустота... И это место станет нашим домом на несколько ближайших месяцев – до тех пор, пока мы не покорим вершину.

Томас Ф. Хорнбейн «Эверест. Западный гребень»

Сразу же после того, как стемнело, 8 апреля возле гестхауса в Лобуче с треском ожила маленькая портативная рация Энди. Это с ним из базового лагеря связался Роб, у которого были хорошие новости. Команда из тридцати пяти шерпов, собранных из нескольких экспедиций, потратила целый день, чтобы спустить Тенцинга вниз. Прикрепив его ремнями к алюминиевой лестнице, им удалось спустить его, после чего волоком и на руках протащить по ледопаду, и теперь он находился в базовом лагере. Если погода продержится, то на рассвете прилетит вертолет и доставит его в больницу в Катманду. С очевидным облегчением Роб дал нам указание утром выходить из Лобуче и двигаться в базовый лагерь.

Все клиенты также испытали огромное облегчение от того, что Тенцинг был в безопасности. И еще все мы были несказанно рады, что можем, наконец, покинуть Лобуче. От антисанитарных условий Джон и Лу подхватили какую-то опасную кишечную инфекцию. Менеджер нашего базового лагеря Хелен мучилась от выматывающей, непроходящей головной боли, вызванной большой высотой. А мой кашель стал только сильнее после второй ночи, проведенной в задымленном помещении гестхауса.

На третью ночь я не выдержал и решил сбежать от едкого дыма. Я перебрался в разбитую рядом со зданием палатку, которую освободили Роб и Майк, ушедшие в базовый лагерь. Энди переселился в палатку вместе со мной. В два часа ночи я проснулся от того, что он резко принял сидячее положение и громко застонал.

– Эй, Гарольд, – спросил я, не вылезая из своего теплого спального мешка. – У тебя все в порядке?

– Кажется, нет. Вчерашний ужин лезет наружу.

Уже через секунду Энди отчаянно открывал застегнутый на «молнию» полог палатки. Он едва успел высунуть наружу голову, как его громко стошнило. После того, как приступ рвоты прошел, он пару минут потерянно стоял на четвереньках одной половиной корпуса на улице, другой – в палатке. А потом, как ужаленный, вскочил на ноги, быстро отбежал на несколько метров, рывком спустил штаны, и звуки извергающегося вулкана сообщили мне, что у него начался приступ диареи. Весь остаток ночи Энди провел на улице, неистово опорожняя содержимое своего пищеварительного тракта.

На следующее утро он совсем ослаб от обезвоживания организма, и его страшно трясло. Хелен предложила ему остаться в Лобуче, чтобы восстановить силы, но он наотрез отказался.

– Черта с два я останусь в этой вонючей дыре еще на одну ночь, – заявил Энди, скривив лицо и сидя на корточках. – Я иду в базовый лагерь сегодня, вместе со всеми. Даже если мне, блин, придется ползти.

К 9 утра мы упаковали свои вещи и двинулись в путь. Вся группа бодрым шагом поднималась по тропе, а мы с Хелен плелись позади всех, поддерживая Энди, который прикладывал невероятные усилия, чтобы переставлять ноги. Он периодически останавливался и, опираясь на лыжные палки, несколько минут стоял, чтобы прийти в себя и набраться сил для следующего рывка.

На протяжении нескольких километров тропа петляла вверх-вниз по каменным россыпям морены ледника Кхумбу, после чего спускалась на сам ледник. Во многих местах большая часть поверхности льда была покрыта кусочками угля, шершавым гравием и гранитными валунами, но время от времени попадались вкрапления идеально чистого льда – полупрозрачного, промерзшего и сверкающего, как ошлифованный оникс. Талая вода ожесточенно-шумно стекала по бесчисленным поверхностным и внутренним руслам ледника, и ее пугающе гармоничное журчание отдавалось по всей площади ледника.

К вечеру мы вышли к причудливым рядам стоящих на некотором отдалении друг от друга ледяных столбов-башен (самые высокие из них были под тридцать метров), известных как Аллея призраков. Созданные яркими солнечными лучами и отливавшие радиоактивной бирюзой, башни выступали из-за окружавших их валунов, словно зубы гигантской акулы, и уходили вдаль, насколько видел глаз. Хелен, которая неоднократно бывала в этих краях, объявила, что мы близки к цели.

Через три километра, в месте, где ледник резко уходил на восток, мы дошли до гребня длинного склона, и нашему взору открылись пестрые купола нейлонового города. На засыпанном камнями льду стояло более трех сотен палаток, в которых проживали альпинисты и шерпы из четырнадцати экспедиций.

Двадцать минут потребовалось, чтобы среди этой массы палаток найти те, в которых жили члены нашей экспедиции. Наконец, когда мы преодолевали последний подъем, нам навстречу вышел Роб.

– Добро пожаловать в базовый лагерь Эвереста, – сказал он и усмехнулся.

Высотометр на моих наручных часах показывал 5365 метров.

Временный поселок, который будет служить нам домом в течение шести ближайших недель, был расположен в центре амфитеатра, образованного неприступными склонами гор. Откосы над лагерем были покрыты свисающими ледниками, с которых в любое время дня и ночи с грохотом сходили вниз мощные ледовые лавины. В полукилометре к востоку, в хаосе

ледовых глыб, по узкому ущелью сползал ледопад Кхумбу, зажатый между стеной Нупце и западным плечом Эвереста.

Амфитеатр был обращен на юго-запад и располагался на площадке, хорошо освещенной солнечными лучами. В ясный и безветренный день после полудня было достаточно тепло, чтобы комфортно чувствовать себя на улице в одной майке. Однако, как только солнце опускалось за коническую вершину Пумори (пик высотой 7165 метров на западе от базового лагеря), температура резко падала ниже нуля. Когда я возвращался ночью в свою палатку и ложился спать, ледник скрипел и потрескивал, исполняя серенады, напоминавшие мне, что я живу на медленно движущейся ледяной реке.

Поразительным контрастом с окружающей нас дикой природой явилась масса удобств, созданных в лагере компании «Консультанты по приключениям». Этот лагерь стал домом для четырнадцати западных гостей (шерпы называли нас либо «участниками», либо «саги-бами») и для четырнадцати шерпов.

В нашей огромной брезентовой палатке-столовой стоял внушительных размеров каменный стол, стереосистема, была оборудована библиотека, и имелось электрическое освещение, питавшееся от солнечных батарей. Рядом со столовой находилась палатка со спутниковым телефоном и факсом.

Импровизированный душ представлял собой резиновый шланг и ведро с теплой водой, которую грели помощники на кухне. Свежий хлеб и овощи доставляли раз в несколько дней на спинах яков. Соблюдая давнюю традицию, появившуюся в экспедициях еще с колониальных времен, повар Чхонгба и его помощник Тенди каждое утро обходили палатки клиентов, подавая нам кружки горячего чая, приготовленного по традиционному рецепту шерпов.

Я часто слышал разговоры, что толпы альпинистов превратили Эверест в мусорную свалку, и, как многие считали, главными виновниками этого загрязнения были коммерческие экспедиции. Хотя в 1970-е и 1980-е годы базовый лагерь действительно представлял собой большую мусорную кучу, за последние годы в нем хорошо прибрались, и он стал довольно опрятным. Вне всякого сомнения, это было самое чистое поселение, которое мне довелось увидеть с тех пор, как мы покинули Намче-Базар. И уборку лагеря проводили главным образом силами коммерческих экспедиций.

Коммерческие проводники из года в год привозили клиентов на Эверест, поэтому именно они были больше заинтересованы в поддержании чистоты, чем разовые альпинисты. Во время экспедиции 1990 года Роб Холл и Гэри Болл стали организаторами уборки, в результате которой из базового лагеря вынести пять тонн мусора.

Кроме того, Холл и несколько его коллег-проводников начали работу с властями Непала в Катманду, чтобы убедить правительство принять меры, поощряющие альпинистов поддерживать на горе чистоту и порядок. К 1996 году, в дополнение к обычной плате за разрешение на восхождение, экспедиции обязали вносить залог в 4000 долларов, который возвращали только после того, как они доставляли определенное количество мусора в Намче или Катманду. С горы уносили даже бочки, в которые собирали экскременты.

В базовом лагере стояла суета, словно в муравейнике. Помещение «Консультантов по приключениям» служило своего рода штаб-квартирой всего базового лагеря, потому что никто на горе не пользовался большим доверием, чем Холл. Как только возникала какая-нибудь проблема – трудовой спор с шерпами, необходимость оказания срочной медицинской помощи, или нужно было принять важное решение по поводу стратегии восхождения, – все приходило в нашу палатку-столовую за советом к Холлу. И тот щедро делился своим опытом и мудростью даже со своими соперниками, конкурировавшими с ним за клиентов, в том числе со Скоттом Фишером.

Ранее, в 1995 году, Фишер успешно вывел своих клиентов на один из восьмидесятичников^[28] – Брод-Пик (8047 метров), расположенный в Каракорумских горах на границе с

Пакистаном. Фишер предпринимал четыре попытки взойти на Эверест и только один раз, в 1994 году, дошел до вершины, но не в роли проводника. Весной 1996 года он впервые приехал на Эверест в качестве руководителя коммерческой экспедиции. Как и Холл, Фишер привез группу из восьми клиентов. Лагерь Фишера, который было легко узнать по огромному рекламному баннеру *Starbucks*, укрепленному на гранитной глыбе размером с дом, находился в пяти минутах ходьбы от нашего лагеря вниз по леднику.

Все мужчины и женщины, выбравшие в качестве работы восхождение на высочайшие вершины мира, являются как бы членами маленького закрытого клуба. Фишер и Холл были конкурентами по бизнесу, но пути их, как выдающихся членов высокогорного братства, часто пересекались, и в каком-то смысле они считали себя друзьями. Познакомились они в 1980 годы на советском Памире и позже провели много времени вместе на Эвересте в 1989 и в 1994 годах. Сразу же после окончания экспедиции на Эверест в 1996 году они планировали объединить свои силы и попытаться подняться на Манаслу – труднодоступный пик высотой 8163 метра в Центральном Непале.

Отношения между Фишером и Холлом стали более близкими в 1992 году, когда они столкнулись друг с другом на Чогори, второй по высоте горе мира. Тогда Холл пытался подняться на вершину со своим товарищем и партнером по бизнесу Гэри Боллом. Фишер штурмовал гору в паре с выдающимся американским альпинистом Эдом Вистурсом. Спускаясь с вершины во время вьюги, Фишер, Вистурс и третий американец, Чарли Мейс, неожиданно наткнулись на Холла, с трудом тащившего еле живого Гэри, которого поразила горная болезнь. Болл находился практически без сознания и не мог передвигаться самостоятельно. В условиях сильной вьюги Фишер, Вистурс и Мейс помогли стащить Болла вниз по опасному склону горы, по которому часто сходили лавины, и спасли ему жизнь. (Спустя год Боллу было суждено умереть от этой болезни на склонах Дхаулагири.)

Фишеру было сорок лет. Он был рослым и общительным мужчиной со светлыми волосами, собранными в хвост, и обладал совершенно неуемной энергией. Четырнадцатилетним школьником – он жил в Баскинг-Ридж, штат Нью-Джерси – он увидел передачу об альпинизме и загорелся. На следующее лето он поехал в Вайоминг и записался на курсы выживания в условиях дикой природы, организованные при Национальной школе инструкторов по туризму (НШИТ). После окончания учебы он переехал на постоянное местожительство на Запад, устроился на сезонную работу инструктором НШИТ, сделал альпинизм смыслом своей жизни и уже больше никогда не сворачивал с выбранного пути.

Когда Фишеру было восемнадцать, он во время работы в НШИТ влюбился в свою студентку Джин Прайс. Через семь лет они поженились, поселились в Сиэтле, и у них родилось двое детей – Энди и Кети Роуз. (Детям было соответственно девять и пять лет, когда Скотт в 1996 году отправился на Эверест.) Прайс получила свидетельство пилота коммерческих авиалиний и стала командиром экипажа в компании *Alaska Airlines*. Эта престижная и хорошо оплачиваемая работа жены позволяла Фишеру все свое время посвятить альпинизму. Кроме того, ее доходы помогли Фишеру в 1994 году организовать свою компанию под названием «Горное безумие».

ЕСЛИ НАЗВАНИЕ КОМПАНИИ ХОЛЛА – «КОНСУЛЬТАНТЫ ПО ПРИКЛЮЧЕНИЯМ» – ОТОБРАЖАЛО ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ, АККУРАТНЫЙ И СКРУПУЛЕЗНЫЙ ПОДХОД К ВОСХОЖДЕНИЯМ, ТО «ГОРНОЕ БЕЗУМИЕ» ЕЩЕ ТОЧНЕЕ ПЕРЕДАВАЛО ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ СКОТТА.

Когда ему было немногим более двадцати, он заработал себе репутацию альпиниста, который лихачит и слишком много рискует во время восхождений. За всю свою альпинистскую карьеру, и особенно в первые годы, он попадал во множество ситуаций, в которые не должен был попадать, и его спасало только чудо.

По меньшей мере, в двух случаях – один раз в Вайоминге, другой в Йосемите – он срывался при восхождении на скалы и падал на землю с высоты более двадцати пяти метров. Во время работы младшим инструктором на курсах школы НШИТ, находясь на хребте Уинд-Ривер без страховочной веревки, он провалился на глубину двадцать один метр на дно трещины в леднике Динвуди. Пожалуй, самым страшным было падение Фишера во времена, когда он был начинающим ледовым альпинистом: несмотря на отсутствие опыта, он решил с первого раза взойти на труднодоступный замерзший водопад Фата Невесты в каньоне Прово, штат Юта. Обгоняя на ледяной скале двух опытных альпинистов, он потерял опору на высоте тридцать метров и упал вниз.

К величайшему изумлению всех, кто наблюдал это падение, Фишер поднялся на ноги и спокойно ушел, отделавшись сравнительно легкими повреждениями. Однако, пока он летел к земле, острый штык ледоруба пропорол ему насквозь голень и вышел с другой стороны. Штык пробил в его щиколотке дыру, сквозь которую можно было засунуть карандаш. После того, как его выписали из местной больницы, Фишер не видел причин тратить свои и без того ограниченные денежные средства на дополнительное лечение, поэтому следующие полгода продолжал восхождения с открытой гноящейся раной. Через пятнадцать лет после этих событий он с гордостью показывал мне шрам – две блестящие, размером с десятицентовую монету бляшки по обе стороны его ахиллова сухожилия.

– Скотт пытался жить так, словно возможности его физического тела безграничны, – говорит о нем известный американский альпинист Дон Питерсон, который встретил Фишера вскоре после того, как тот сорвался с водопада Фата Невесты. Питерсон стал в некотором смысле наставником Фишера и часто ходил с ним в горы на протяжении следующих двадцати лет. – Скотт обладал поразительной силой воли. Его не могла остановить никакая боль – он игнорировал ее и продолжал двигаться дальше. Он не из тех, кто поворачивал обратно, потому что натер ногу. Скотт страстно мечтал стать великим, одним из лучших в мире альпинистов. Помню, что при штаб-квартире НШИТ был тренировочный зал с очень ограниченным выбором тренажеров. Так вот, Скотт регулярно ходил туда и тренировался до тех пор, пока его не начинало выворачивать наизнанку. И делал он это регулярно. В мире не так много столь целеустремленных людей.

Окружающих в Фишере привлекали его энергия, щедрость, бесхитростность, прямота и почти детский энтузиазм. Он был грубоватым и эмоциональным, не склонным к самокопанию и обладал таким общительным, притягательным характером, что моментально завоевывал друзей на всю жизнь. Сотни людей, даже те, кого он встречал не более одного-двух раз, считали его своим близким другом. Кроме того, он был удивительно красивым, обладал телосложением бодибилдера и точеным лицом кинозвезды. Он, как магнитом, притягивал к себе представительниц прекрасного пола и не пренебрегал их вниманием.

Фишер был во всех смыслах неумным человеком, курил много марихуаны (но не во время работы) и пил, часто совсем не в меру. Задняя комната в офисе компании «Горное безумное» была своего рода его собственным тайным клубом. Уложив детей в постель, он любил закрыться в ней со своими приятелями, чтобы пустить по кругу «трубку мира» и смотреть слайды, вспоминая смелые подвиги, которые они совершили высоко в горах.

В 1980-е годы Фишер провел целый ряд весьма впечатляющих восхождений, которые помогли ему стать знаменитостью местного масштаба. Однако ему никак не удавалось стать звездой альпинизма мирового уровня. Несмотря на все свои усилия, Скотт не смог получить достаточного коммерческого финансирования, которого добились некоторые из его более знаменитых коллег. Кроме того, ему казалось, что некоторые из наиболее известных альпинистов его игнорируют и не уважают.

– Скотт хотел добиться признания, – рассказывает Джен Броммет, его рекламный агент, близкая подруга и партнер, с которой он часто тренировался. Броммет приехала с командой

«Горное безумие» в базовый лагерь, из которого писала отчеты об экспедиции для онлайн-версии журнала *Outside*. – Он жаждал его всей душой. Он был на самом деле очень ранимым и тщеславным, о чем большинство знавших его людей и не догадывались. Он бесился от того, что ему не удавалось добиться репутации и уважения великого альпиниста. И поэтому чувствовал себя обиженным и ущемленным, что причиняло ему много боли.

К тому времени, когда весной 1996 года Фишер отправился в Непал, к нему, наконец, стало приходить то запоздалое признание, которого он, по его мнению, заслуживал. Во многом это объяснялось тем, что он в 1994 году совершил восхождение на вершину Эвереста без кислородного баллона. Кроме этого, команда Фишера, которую прозвали «Экспедицией защитников окружающей среды Сагарматхи», убрала с горы две с половиной тонны мусора, что было не только полезно для природы, но и оказалось весьма удачным пиар-ходом.

В январе 1996 года Фишер возглавил широко освещенное в СМИ восхождение на высочайшую гору Африки Килиманджаро, в результате которого было собрано полмиллиона долларов для благотворительной организации *CARE* («Забота»). Таким образом, в значительной степени благодаря экспедиции 1994 года, очистке горы от мусора, а также благотворительному восхождению в Африке к тому времени, как Фишер в 1996 году в очередной раз отправился на Эверест, о нем заговорили СМИ в Сिएтле. Его карьера альпиниста быстро пошла в гору.

Журналисты часто задавали Фишеру вопрос о рисках, которые он берет на себя во время восхождений, и удивлялись, как ему удается совмещать такой опасный вид деятельности с ролью мужа и отца семейства. Фишер отвечал, что теперь он гораздо реже рискует, чем во времена беспечной юности, а также что в последнее время стал гораздо более осмысленным и консервативным альпинистом. Незадолго до отъезда на Эверест в 1996 году он так говорил журналисту из Сिएтла Брюсу Баркотту:

«Я на сто процентов уверен, что вернусь. Моя жена на сто процентов уверена, что я вернусь. Она вообще за меня не беспокоится, когда я сопровождаю группу, потому что знает, что я всегда сделаю правильный выбор.

Я считаю, что если случается трагедия, то она происходит только потому, что человек совершил ошибку. Именно фактор ошибки я и стремлюсь исключить.

В молодости со мной происходило много несчастных случаев во время восхождений. Можно как угодно эти несчастные случаи объяснять, но, в конечном счете, все сводится к ошибке».

Несмотря на все заверения Фишера, его карьера альпиниста, которому надо часто надолго уезжать из дома, тяжело сказывалась на семье. Он страстно любил своих детей и во время пребывания в Сिएтле был очень внимательным и заботливым отцом, но из-за восхождений месяцами не видел свою семью. Например, его не было дома во время празднований семи из девяти дней рождения его сына. Некоторые из его друзей считали, что ко времени отъезда Скотта на Эверест в 1996 году его брак фактически разваливался.

Однако Джин Прайс была далека от того, чтобы списывать осложнения в отношениях с мужем на его занятие альпинизмом. По ее словам, всеми своими неприятностями семейство Фишер-Прайс скорее обязано проблемам, возникшим у нее с ее работодателем.

Прайс стала жертвой предполагаемого сексуального домогательства, и в течение всего 1995 года была втянута в затратный и изматывающий судебный процесс против своего работодателя – компании *Alaska Airlines*. В конечном итоге стороны урегулировали возникший конфликт, но само судебное разбирательство было крайне неприятным, и, что самое важное, из-за тяжбы Прайс почти в течение года не получала зарплаты. В качестве командира

корабля она зарабатывала приличные деньги, а доходы Фишера от альпинизма были явно недостаточными, чтобы заткнуть брешь в семейном бюджете.

– Впервые после нашего переезда в Сиэтл у нас появились проблемы с деньгами, – с грустью вспоминает она.

Точно так же как и большинство конкурентов, со времен основания компания «Горное безумие» была не самым прибыльным предприятием. Например, в 1995 году Фишер заработал всего около двенадцати тысяч долларов. Однако доходность компании начала увеличиваться благодаря растущей известности Фишера и усилиям его делового партнера и офис-менеджера Карен Дикинсон, чьи организаторские способности и рассудительность компенсировали склонность Фишера к спонтанным решениям и стремлению отмахнуться от проблемы.

Фишер внимательно следил за успехами Роба Холла в организации коммерческих экспедиций на Эверест и знал, что его конкурент берет за них солидные деньги, поэтому решил, что пришла пора и самому выйти на этот рынок. Фишер считал, что если позаимствует у Холла формулу успеха, то быстро сделает «Горное безумие» прибыльным предприятием.

Однако Фишера привлекали не деньги как таковые. Его мало интересовала материальная сторона этой жизни, но он стремился добиться почета и уважения и прекрасно осознавал, что в современном мире деньги являются наиболее понятным и общепринятым мериллом успеха.

В 1994 году, через несколько недель после триумфального возвращения Фишера с Эвереста, я столкнулся с ним в Сиэтле. Мы не были близко знакомы, но у нас было несколько общих друзей, и мы часто встречались на скалах или на вечеринках и мероприятиях альпинистов. В тот раз он отвел меня в сторону и начал рассказывать о своих планах организации коммерческой экспедиции на Эверест, уговаривая меня принять в ней участие и потом написать статью для журнала *Outside*. Когда я ответил, что мне, как человеку с весьма ограниченным опытом высокогорных восхождений, было бы безумием отважиться на штурм Эвереста, он не огласился.

– Перестань, все вечно переоценивают значение опыта. Тут, брат, важна не высота, а твое отношение. Я уверен, ты прекрасно справишься. Ты уже забирался на горы и посложнее Эвереста. Я с Эверестом полностью разобрался и знаю, как его покорить. Считай, что мы уже проложили к его вершине дорогу из желтого кирпича, как в «Волшебнике Изумрудного города».

На самом деле Скотт меня тогда очень заинтересовал своим предложением. Заинтересовал даже больше, чем я в тот момент был готов себе признать. При этом Скотт действовал как таран и всеми силами «вписывал» меня в свою экспедицию. Потом, когда мы встречались позже, он постоянно говорил со мной об Эвересте. Он неоднократно звонил редактору *Outside* Брэду Вецлеру и рекламировал ему свою идею.

В январе 1996 года, в немалой степени благодаря лоббированию Фишера, журнал принял твердое решение отправить меня на Эверест – возможно, как говорил Вецлер, в составе экспедиции Фишера. Сам Скотт был совершенно уверен, что это дело уже решенное.

Однако за месяц до моего отъезда мне позвонил Вецлер и сообщил, что произошли изменения в планах: Роб Холл сделал журналу более интересное предложение. Поэтому Вецлер попросил меня присоединиться к экспедиции «Консультанты по приключениям», а не Фишера. К тому времени я уже узнал и успел полюбить Фишера и мало что слышал о Холле, поэтому изначально сдержанно отнесся к этой идее. Но после того, как один мой проверенный товарищ по альпинизму подтвердил безупречную репутацию Холла, я с энтузиазмом согласился подниматься на Эверест вместе с ним.

Уже в базовом лагере я однажды спросил Холла, почему он так хотел взять меня с собой. Тот откровенно признался, что на самом деле его интересовал не я и даже не те

«бонусы» популярности, которую принесет ему статья. Он сделал это, чтобы иметь возможность дешево купить дорогостоящие рекламные полосы в *Outside*.

Холл объяснил: по условиям договора, он вместо обычной платы за участника экспедиции возьмет только 10 000 долларов, а остальное журнал компенсирует ему рекламными полосами.

Аудиторией *Outside* были хорошо обеспеченные, предприимчивые и при этом находящиеся в хорошей физической форме любители приключений. То есть именно те, кто приобретал у него услуги проводника. При этом вся аудитория проживала в США.

– Важно, что это американская аудитория. Наверное, восемьдесят-девяносто процентов потенциального рынка услуг по сопровождению экспедиций на Эверест и остальные Семь вершин приходится на Соединенные Штаты, – объяснял Холл. – По окончании этого сезона мой приятель Скотт, укрепившись в роли проводника на Эверест, получит огромное преимущество перед «Консультантами по приключениям» только потому, что находится в Штатах. Чтобы конкурировать с ним, мы должны значительно расширить нашу рекламную кампанию в Америке.

Когда в январе Фишер узнал, что Холл переманил меня в свою команду, он рвал и метал. Он так расстроился, что позвонил мне из Колорадо и заявил, что не намерен уступать победу Холлу. (Как и Холл, Фишер вовсе не пытался скрывать, что лично я его вообще не интересую, а ему нужна реклама в журнале.) Однако, в конце концов, он не смог сделать лучшего предложения журналу, чем то, что сделал Холл.

Хотя я прибыл в базовый лагерь как член экспедиции «Консультанты по приключениям», а не его «безумной» команды, Скотт, судя по всему, не держал на меня зла. Когда я спустился в его лагерь и зашел к нему, он налил мне кружку кофе и крепко обнял. Мне показалось, что он искренне рад меня видеть.

Несмотря на присутствие множества внешних атрибутов цивилизации в базовом лагере, невозможно было позабыть, что мы находимся на высоте более четырех километров над уровнем моря. После прогулки до палатки-столовой на обед мне требовалось несколько минут, чтобы отдышаться. Если я слишком резко вставал на ноги, у меня начиналось головокружение и мне становилось дурно. Раздирающий и надрывный кашель, «подарок» из Лобуче, усиливался день ото дня. Сон стал прерывистым – это самый банальный симптом слабой стадии горной болезни. Почти каждую ночь я просыпался по три-четыре раза, чувствуя, что задыхаюсь.

Порезы и царапины никак не заживали. У меня начисто пропал аппетит, и органы пищеварения, которым для усвоения пищи требовалось много кислорода, не справлялись и с тем немногим, что я умудрялся в себя засунуть, в результате чего мой организм в целях самосохранения стал поедать сам себя. Мои руки и ноги начинали постепенно и неуклонно усыхать, становясь похожими на палки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Букреев А. Н. (1958—1997) – советский и казахстанский альпинист, горный проводник, фотограф, писатель. Покоритель одиннадцати восьмитысячников планеты, совершивший на них 18 восхождений. После трагедии на Эвересте 1996 года был награжден премией Американского альпклуба имени Дэвида Соулса. Премию вручают альпинистам, спасшим в горах людей с риском для собственной жизни. Погиб во время восхождения на вершину Аннапурны (Гималаи) в результате схода снежной лавины. – Примеч. перев.

2.

Она же Долина Тишины, Западный Цирк, или Западный Кар – широкая, плоская, слабо холмистая ледниковая долина, расположенная у подножия Стены Лхоцзе Эвереста. – Примеч. перев.

3.

Теодолит – прибор для измерения горизонтальных и вертикальных углов при топографических и геодезических съемках. – Примеч. перев.

4.

Замеры высоты Эвереста при помощи лазеров, а также проведенных со спутников измерений, использующих метод доплеровского сдвига частоты, показали, что Сикхдар ошибся всего на восемь метров. В настоящее время считается, что высота Эвереста составляет 8848 метров (или 29 028 футов). – Прим. авт.

5.

Литтон Стрейчи (1880—1932) – английский биограф, литературовед, эссеист, эстет. – Примеч. перев.

6.

Кружок Блумсбери (англ. Bloomsbury Group) – элитарная группа английских интеллектуалов, писателей и художников, выпускников Кембриджа, объединенных сложными семейными, дружескими и творческими отношениями. – Примеч. перев.

7.

Тело Джорджа Мэллори было обнаружено в 1999 году, спустя 75 лет после его восхождения и спустя три года после написания данной книги. Тело Эндрю Ирвина так и не было найдено. – Примеч. перев.

8.

Гористая область на северо-западе Англии. – Примеч. перев.

9.

Джон Гленн (1921) – летчик-испытатель и первый астронавт США, совершивший орбитальный космический полет. – Примеч. перев.

10.

Сэнди Коуфакс (1935) – американский бейсболист. – Примеч. перев.

11.

Джонни Юнайтес (1933—2002) – профессиональный игрок в американский футбол.

12.

«Семь вершин» – высочайшие точки каждого из семи континентов: Эверест, 8848 метров (Азия); Аконкагуа, 6960 метров (Южная Америка); Мак-Кинли (известная также как Денали), 6190 метров (Северная Америка); Килиманджаро, 5895 метров (Африка); Эльбрус, 5642 метра (Европа); массив Винсон, 5140 метров (Антарктида); Косцюшко, 2228 метров (Австралия). – Прим. авт.

13.

Отсылка к кинокартине 1947 года, известный ремейк которой снял Бен Стиллер в 2013 году. – Примеч. перев.

14.

Вулкан высотой 4392 м на территории штата Вашингтон, США. – Примеч. перев.

15.

К 2008 году Питер Этанс поднялся на вершину Эвереста 7 раз и получил титул «Мистер Эверест». – Примеч. перев.

16.

Басс покорил эти вершины в течение четырех лет. – Прим. авт.

17.

Сэр Эдмунд Хиллари умер в 2008 году, в возрасте 88 лет. – Примеч. перев.

18.

В энциклопедиях высота горы обозначена как 8167 м. – Примеч. перев.

19.

Буддистский религиозный монумент из сложенных горкой камней, внутри которого могут храниться реликвии или мощи. Другое буддистское название, принятое в Юго-Восточной Азии, – ступа. – Прим. авт.

20.

Небольшие плоские камни с вырезанной на санскрите мантрой тибетских буддистов «Ом мани падмэ хум». Эти камни складывают посередине тропы в форме вытянутой низкой горки – стены мани. Согласно буддистской традиции, мани необходимо обходить с левой стороны. – Прим. авт.

21.

Строго говоря, подавляющее большинство «яков», которые встречаются в Гималаях, являются результатом скрещивания собственно яков с крупным рогатым скотом и называются дзопкьо (особи мужского пола) и дзом (особи женского пола). К тому же чистокровную самку яка правильнее было бы называть нак. Однако большинству западных альпинистов и треккеров трудно различать этих мохнатых животных, и поэтому они называют их всех яками. – Прим. авт.

22.

Раш Лимбо (1951) – американский консервативный общественный деятель, ведущий популярного радиошоу. – Примеч. перев.

23.

Смешанный язык, употреблявшийся, кроме прочего, в азиатских портах и в странах Карибского бассейна носителями различных языков для общения между собой и европейцами, другими словами – неграмотная смесь языков. – Примеч. перев.

24.

В разных частях земного шара игра также называется карум, карам, каром, также каррум. Это настольная игра, своего рода бильярд на пальцах. – Примеч. перев.

25.

Шерпы, в отличие от родственных им тибетцев, не имеют письменности, поэтому используется фонетическое написание слов их языка. В результате отсутствует единообразие в написании имен собственных и других слов языка шерпов. Например, слово Тенгбоче могут писать, как Тэнгпоче, Тянгбоче, Тхьянгбоче. – Прим. авт.

26.

Хотя по-тибетски гора называется Джомолунгма, а по-непальски – Сагармата, большинство шерпов, даже при общении друг с другом, используют название Эверест. – Прим. авт.

27.

Согласно тексту «Илиады» Гомера, народ, живущий в вечном мраке на крайнем западе, то есть в аду. Исторические киммерийские племена обитали в районе Северного Причерноморья в VIII—VII веках до н. э. – Примеч. перев.

28.

Существует четырнадцать так называемых «восьмитысячников» – гор, возвышающихся над уровнем моря более чем на 8000 метров. Первым, кто покорил все четырнадцать вершин, был Райнхольд Месснер, и произошло это в 1986 году. К настоящему времени всего лишь четверем альпинистам удалось повторить это достижение. – Прим. авт.